

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

11

Чужие боги

Котова Ирина

Королевская кровь

Ирина Котова

Королевская кровь. Чужие боги

«Котова Ирина »

2022

Котова И. В.

Королевская кровь. Чужие боги / И. В. Котова — «Котова Ирина», 2022 — (Королевская кровь)

Иногда самое сложное перед бурей – это ожидание. В двух мирах ждут открытия последних межмировых врат. Ждут боги-захватчики и их армии – чтобы всей мощью обрушиться на Туру. Слабеющие боги Туры ждут своего брата, без которого планету постигнут катастрофические изменения. Ждет и королева Василина, не закрывая последний портал в Рудлоге, – потому что, закрыв его, можно навсегда отрезать путь младшей сестре и изгнанному богу. Ждать – очень сложно. Еще сложнее жертвовать – потомками, любовью и жизнью. Но кому-то ради спасения Туры придется делать и это.

© Котова И. В., 2022

© Котова Ирина , 2022

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ирина Котова
Королевская кровь. Чужие боги
Ирина Котова

* * *

Часть 1

Глава 1

Двадцатое апреля, Пески, Вей Ши

По зеленому лесу, растущему там, где совсем недавно лежали раскаленные барханы, неслышно бежал тигр с красноватой шкурой.

Зверь был текуч и плавен, а лапы его так мягко касались земли, что птицы даже не успевали в страхе выпорхнуть из гнезд, как он уже проносился мимо. Он был голоден, но охоту отложил до темноты, чтобы не тратить драгоценное время: ведь днем видимость лучше, и можно пробежать больше.

В начале пути наследник йеллоувиньского престола сильно выматывался – но по прошествии нескольких дней окреп, и теперь заставлял себя останавливаться ночами, чтобы найти добычу и отдохнуть. Насытившись, Вей Ши оборачивался человеком и обязательно тренировался перед коротким сном: повторял комплексы упражнений, метал ножи, а затем медитировал, восстанавливая разум и тело. Все ради того, чтобы не упасть по пути от истощения. Чтобы там, куда он бежит, тело после обратного оборота слушалось не хуже, чем перед дорогой.

В первый же день после ухода из Тафии Вей добрался вдоль русла Неру до узкого места, где ныне была организована паромная переправа. Он переплыл реку и понесся под прикрытием леса вдоль старой дороги, по которой шагали верблюды с погонщиками, проезжали телеги, запряженные осликами, а иногда и автомобили то ли с беженцами, то ли с торговцами. Тракт этот шел к низкому горному перевалу, на котором сходились границы Песков, Рудлога и Йеллоувиня. Вей Ши сейчас уже отчетливо видел его низкое седло между крон деревьев: еще день, и страна драконов останется позади.

Сколько дней понадобится, чтобы пересечь Йеллоувинь и добраться почти до Бермонта, в провинцию Сейсянь, где, как следовало из видений девочки Рудлог, откроется портал в другой мир, Вей не представлял. Но он отчаянно, до глухого рыка в груди надеялся, что не опоздает. И так же отчаянно верил, что видение – это только вариант будущего, и его можно изменить.

Потомку Ши не пристало бояться – однако кислый привкус страха, появившийся, когда Вей смотрел с Каролиной Рудлог на смерть деда, только усиливался. Страх бежал следом, нагоняя наследника ночами, колол сердце ледяными иглами и заставлял бросать в небеса просьбы Желтому: чтобы первопредок помог добраться вовремя и предотвратить беду.

Тишина и одиночество обострили чувства Вей Ши, заставив вглядываться внутрь – и он смотрел и не узнавал себя, словно вошел в Тафию одним человеком, а вышел другим. Все то, что раньше приводило его в ярость, что выглядело в его глазах насмешкой и унижением, теперь казалось мелочами, не стоящими даже движения брови. Наоборот, ему не хватало ранних побудок в храме, служб и скудных трапез с остальными послушниками, неспешных разговоров со стариком Амфатом, физического труда и отрешенной работы с землей – наконец-то он понял, почему дед, Хань Ши, находил в этом удовольствие! А люди, которые так утомляли и раздражали Вея ранее, даже невыносимо болтливая девочка Рудлог, теперь вызывали снисходительное любопытство.

Хотя стремление к одиночеству никуда не делось – это было в характере всех Ши.

Только воспоминания о тяжелой руке Мастера до сих пор заставляли Вея скалиться и ускоряться, словно можно было оставить их позади. И когда наследник вглядывался в себя в эти моменты, что угодно было в его душе, кроме смирения.

Он скучал по родным, но если раньше мысли о них окрашивались в цвета вины, обиды, ярости и гнева, то сейчас Вей будто перешагнул через желание стать идеальным Ши, доказать, что он достоин быть наследником, несмотря на порченную кровь. Теперь он хотел просто снова пройтись по дорожкам дворца с отцом и дедом, без гордыни и пренебрежения принять ласку матери, поговорить с сестрами. Ощутить себя частью семьи. И не бояться, что больше не увидит того, кого почитал и любил сильнее всех людей на Туру.

То ли от голода, то ли от сосредоточенности, восприимчивость его усилилась стократ. Это началось еще до ухода из Тафии – с тех пор, как Вей научился медитировать, сенсорный хаос, из-за которого наследник не переносил людей, постепенно стих, будто с каждым выходом в транс вокруг него укреплялась защитная стена. Он не стал глух, но восприятие перестало быть болезненным.

Теперь же, когда нагрузка на органы чувств резко снизилась, в периоды медитаций начала открываться ему глубинная суть мира – то, о чем рассказывали отец и дед, но чего никогда не мог увидеть сам Вей. Он ложился на спину в лесу, полном ночных звуков и влажных древесных запахов, закрывал глаза и видел, как вокруг пульсирует, течет сплетение первоэлементов, которые и образуют Туру – от буйного, пронизывающего все теплом огня до вечно покойной и холодной смерти.

Стихия Черного Жреца по сравнению с полноводными реками других стихий казалась тонким, застывшим ручейком. И даже неопытный Вей видел, что с каждым разом ее поглощающий сам себя, недвижимый поток становился все прозрачней: близился момент, когда он пропадет совсем. Замечал наследник и то, что не разглядел в первые разы – и остальные стихии слабели, текли медленнее, с усилием, словно вот-вот готовы были остановиться или развестись.

Как жалел теперь Вей Ши, что не может обсудить увиденное с дедом или с отцом, услышать их объяснение. Но сейчас он намеренно закрывался от внимания родных, потому что не хотел, чтобы его заставили вернуться.

Только единожды, в первый вечер после ухода из Тафии он приоткрылся – чтобы проверить, выбралась ли девочка Рудлог из ментальной лакуны, которую он создал в плату за информацию о деде. Но почти сразу услышал тяжелое: «Вей!», – и ощутил мысленное давление отца, повелевающее ему снять щиты и ответить.

Наследник, воспитанный в почтении и послушании старшим мужчинам семьи, на этот раз забаррикадировался наглухо и убежал с места обнаружения так быстро, как мог: отец при желании мог к нему и проекцию послать. Больше Вей Ши не рисковал.

«Ты что, так меня и оставишь?» – вспомнил он гневный девчачий голос и поморщился, мотнув башкой. Не стоило ее бросать одну в лакуне: она, конечно, выберется, но может запаниковать, все же Каролина Рудлог – еще ребенок. Не стоило и разбрасываться словами: теперь, если он не вернется, чтобы сделать ей обещанный амулет с равновесником, а погибнет до этого, не будет ему легкого перерождения.

Но это было меньшим из того, что беспокоило младшего Ши.

Чувствовал Вей теперь и нутряные содрогания Туры, после которых по стихийным потокам шли невидимые возмущения. Пески они почти не затрагивали – эта земля слишком еще была полна сил после свадьбы Владыки и возрождения, – но и здесь Вей ощущал, особенно ночами, будто в глубине смещаются, спрессовываются, потрескивают слои. Все чаще доходила до него дрожь от движения горных цепей, близких и далеких – каменная шкура планеты шла едва заметной рябью, как у больного животного, – и с каждым днем напряжение стихий усиливалось, словно вот-вот Тура должна была разлететься на куски.

Одиночество открыло наследнику гигантский мир, величественный и мощный, полный внутренних связей, и Вей невольно учился слышать, ощущать и понимать его.

Уже под утро, когда над Песками только-только начал заниматься рассвет, наследник сквозь сон почувствовал, как от стихийной ряби, вновь прошедшей по слабеющей Туре, дрогнули незыблемые горные цепи от Йеллоуинья до Блакории.

Вей Ши, решивший дисциплинированно выспаться, чтобы набраться сил на дневной переход, перевернулся на другой бок, поморщился и, не просыпаясь, выставил вокруг себя еще с десятков щитов, чтобы ничего не ощущать. А искажения стихий пошли дальше по планете.

На далеком материке Туна, истерзанном извержениями, каждая волна ряби заставляла вулканы вновь реветь и взрываться, образуя все большие кальдеры с лавовыми озерами – целый материк плавился, покрывался трещинами, грозясь рассыпаться на куски.

Старые захоронения, успокоившиеся было после начала служб в Медовом храме, вновь начали восставать по всей Туре вслед за особо сильными волнами искажений. Вставать, образовывая новые, доселе невиданные виды нежити, и отправляться на поиски пищи.

Вулканы как на границах Рудлога, не так давно успокоенные королевой Василиной, так и в горных цепях других стран один за другим выплевывали столбы дыма и окрашивались в багряные цвета извержений. Сходили лавины, горные озера выплесквались из берегов и скачивались по склонам в долины.

Заскрипел в ночи ослабевший от совместных усилий монархов Драконий пик, затрепал, но устоял – сила, вложенная Хозяином лесов в его создание, еще держала камень. Вершина пика, перегородившая реку, тоже устояла, хоть и осыпалась местами мелким щебнем: сквозь небольшие трещины в ее основании стало утекать по склону озеро, образовавшееся из-за запруды. Скоро подмоет осколок горы – и извергнется гигантским водопадом вниз, затопит поля и деревни, расположенные в долине.

А в Блакории озеро, расположенное на одном из северных горных склонов, вспоролось ледяной покров и выплеснулось из берегов. Покатилось вниз смесью валунов, снега и воды, набирая ход и перепрыгивая через уступы. Повернуло вбок из-за вдруг образовавшейся трещины, перелетело на другой склон по совершенно невероятной траектории, и понеслось дальше, в узкую выемку между горами, словно по трубе уходя под землю.

* * *

Над Северными горами Блакории, где находились пещеры темных заговорщиков, скоро должна была наступить полночь. В подземном убежище оставалось чуть более десятка человек – в основном те, кто участвовал в подготовке взрывов и был накрыт проклятием воды. Большинство уже спали в каменных «кельях»: все были измотаны дневными вылазками на бои с иномирянскими отрядами, которые служили отвлечением, но проходили все с большими потерями.

В «столовой» сидели бледный Дуглас Макроут, сотрясаемый крупной дрожью, со светящимися зеленым глазами, и не менее бледный, высохший Оливер Брин с неизменной иглой капельницы в вене и пакетом с физраствором, прикрепленным к плечу. Брин колол молодому темному шприц за шприцем, и глаза Макроута постепенно приобретали нормальный цвет.

Когда опустела шестая ампула с настойкой на храмовых травах, темный перестал дрожать и без сил уронил голову на стол. Брин молча хлопнул его по плечу, потряс, проверяя, не в обмороке ли. Макроут спал – и Брин неспешно, щуря глаза и промахиваясь, стал собирать процедурный мусор со стола.

Ранее предводитель заговорщиков объемами напоминал зажиточного пекаря, а сейчас был худ, как щепка. Организму недостаточно оказалось капельниц, и он добывал воду из жира и мышц.

– Его завтра же нужно доставить в монастырь, – сказал он Чернышу, не поворачивая головы. Старый маг сидел в углу на стуле и с омерзением ел яблоко. На плече его была закреп-

лена такая же капельная конструкция, как у Бриана. – Иначе он уничтожит вас, Данзан Оюнович.

– Я сейчас его отнесу, – равнодушно сказал Черныш, поднимаясь. – Быть объектом подпитки – довольно новый для меня опыт, но не скажу, что приятный.

– Минуту, – Брин прощупывал Макроуту пульс. – Еще одно, Данзан Оюнович. Я считаю, мы достаточно подождали. Наш первопродок в Нижнем мире все еще в движении, и мы вряд ли можем сделать для него больше, чем уже сделали. Я требую завтра вывести нас к правительственным войскам Блакории. Мы помогли им и можем рассчитывать на снисхождение, а наши братья говорят, что с правительственными войсками помимо фон Съедентента и Лыськовой работает сам Гуго Вьертолакхнет. Он не менее опытен, чем вы, возможно, сможет избавить нас от проклятья.

Чуть дрогнула, закрипела гора, и собеседники замолкли, подняв головы и прислушиваясь. Но ненадолго – уже привыкли к тому, что Тура беспокойна.

Черныш хмыкнул.

– Вы не забыли, что мы убили их короля, Оливер? Да и Гуго – ленивый пень, которого интересуют только цветочки и погода. – Он подошел к столу, с любопытством поглядел на дремлющего Макроута, провел над ним рукой и отступил с сожалением: не время исследовать. – Нет, если кто и сможет помочь, то Алмаз. Я обращусь к нему. Он обещал протекцию и помилование. Старов сентиментален и до сих пор витает в облаках идеализма – его самолюбию так польстит то, что я пришел к нему капитулировать, что он грудью встанет на нашу защиту даже перед королевой. В Рудлоге мы пока никого не успели убить, будет легче. Отчего вы так смотрите на меня, Оливер?

– Вы слишком легко согласились, – бесцветно ответил Брин. – Что вы задумали, Данзан Оюнович?

Черныш снова хмыкнул, потянувшись за последним яблоком к чаше на столе.

– Вы умны, господин Брин. Жаль, что в свое время вы не попали ко мне в институт. – Он впился зубами в круглый бок: захлюпал сок, и маг вдруг закашлялся, согнувшись пополам и вмиг синее. Собеседник не успел к нему и дернуться, когда тот все же начал дышать, с трудом, с посвистом.

– Я просто не хочу умереть вот так, – пояснил Оливер Брин. – Так что вы задумали?

Данзан Оюнович потер губы ладонью, чтобы убрать даже капли сока. Яблоко осталось лежать под ногами.

Снова дрогнула гора. Посыпались сверху камешки, Брин отступил в сторону, смахнул щебенку со спящего Макроута.

– Черный Жрец двигается, но не выходит, – заговорил Черныш шепотом. – Возможно, ему все еще нужна наша помощь.

Брин молча смотрел на него. Черныш прислушался – ему показалось, что где-то нарастает странный шум. Камень под ногами снова начал вибрировать.

– Нам не добраться сейчас ни до королевы Рудлога, ни до царицы, ни до императора с Владыкой. Но Демьян Бермонт идет к Блакории вместе с рудложскими войсками. Если я сумею убедить Алмаза выторговать нам амнистию и позволить присоединиться к ним, мы сможем подобраться ближе к королю Бермонта. И убрать его.

– А если дело не в этом? – спросил Брин тяжело.

– А если в этом, Оливер?

Они одновременно повернули головы к проему, когда в столовую из «коридора», ведущего наружу, как из брандспойта, хлынул поток ледяной воды, оглушая, отбрасывая к стене, мгновенно поднимаясь по груди и выше.

Черныш, плюясь и отфыркиваясь, выставил руки, но не стал создавать бесполезный щит – а Брин, вместо того чтобы защищать себя, рванулся к отброшенному потоком воды Макроуту, хватая его, и был сбит с ног.

Из глубины горы невозможно было создать Зеркало, но Данзан Оюнович всегда очень хотел жить. Чувствуя, как хлынула из ушей и носа горячая кровь, на едином выдохе, задержав дыхание, он вложил в плетение – и с потоком воды нырнул в серебристую поверхность, успев еще зачем-то дотянуться до Брины, намертво вцепившегося в Макроута.

Алмаз Григорьевич Старов, мирно спавший в своей палатке на окраине лагеря рудложской армии, проснулся от истошной вибрации сигналок. Не успел он потянуться за посохом, как его палатка затрещала, накренясь, и маг, как был босиком, резво прыгнул к выходу.

Метрах в двух от него таяло Зеркало, извергая из себя как из гигантского крана снежно-водяную смесь: поток обтекал личный щит Алмаза Григорьевича и разливался в темноте по лесу. Старый маг взгляделся в переливы знакомой ауры и, недоверчиво хмыкнув в усы, одно за другим накастовал с десятков боевых заклинаний, удерживая их на кончиках пальцев.

От других палаток бежали солдаты, слышен был голос Свидерского, запустившего Светлячки, – Александр периодически приходил сюда с Юга, где он натаскивал отряд боевых магов для помощи Тротту и принцессе.

Зеркало закрылось. Раздался надсадный кашель, но Алмаз Григорьевич и не подумал пошевелиться. Темная фигура, отбрасывающая множество теней в свете Светлячков, поднялась с земли, покосившись на Алмаза, и поковыляла к лежащему неподалеку человеку с сильной темной аурой. Склонилась над ним, не переставая кашлять, просканировала. Раздалось облегченное хмыканье, и кашляющий потянулся к чему-то рядом – Старов только сейчас взглядел, что там оказалось два человека. Но второй был мертв.

– Оливер, Оливер... Все-таки вода вас достала, – донеслось сожалеющее, и Черныш принялся что-то снимать с шеи погибшего, по-прежнему не обращая внимания на Алмаза. Только поднял руку и накрыл себя и старого друга огромным щитом, отгородившись от приближающихся людей, среди которых был и Александр Свидерский. Тот, не растерявшись, долбанул по преграде концентрированным Тараном, и купол у края пошел сияющими трещинами.

Черныш даже не обернулся.

– Ты никогда не брезговал мародерством, – проговорил Старов сварливо.

– Как будто ты брезговал, – с трудом выдавил Черныш, не разгибаясь.

– Грязный, мокрый, проклятый... жалкий... – с мрачным удовольствием перечислил Алмаз.

– Зато живой, – огрызнулся Данзан Оюнович.

– И что мне мешает сейчас тебя уничтожить? – Алмаз Григорьевич поманил к себе сапоги: они вылетели из палатки, опустились прямо перед ним, и маг аккуратно сунул в них ноги.

– Любопытство, Алмазушко, – прокашлял Черныш, надевая охапку каких-то амулетов через голову. Из носа и ушей его текла кровь, в руке болталась игла с трубкой от капельницы, и Данзан Оюнович, поморщившись, выдернул ее из локтевого сгиба. – Да и сил тебе не хватит меня одолеть. Как и мне тебя.

Снова раздался удар, треск – и Свидерский шагнул под купол шагах в тридцати от них.

– У меня есть помощник, – заметил Алмаз невозмутимо.

Черныш, кинув взгляд на пробившего себе дорогу ученика, недовольно вздохнул, повел рукой – кровь из носа потекла с новой силой, но щит восстановился, а на пути Александра встала призрачная заслонка. Солдаты вокруг гомонили, но к куполу без команды не приближались.

– Алмаз Григорьевич, нужна помощь? – крикнул бывший ректор.

– Пока нет, Саша, – ответил Старов, как порядочный маг используя усилитель голоса, – но, возможно, придется пеленать одного проходимца. Иди сюда, но можешь сильно не торопиться.

Свидерский вновь размахнулся. Загрохотало.

– Ты обещал мне помощь и амнистию, – напомнил Данзан Оюнович, едва заметно вздрогнув от проседания щита.

– Это было до того, как вы попытались убить королеву Рудлога, – покачал головой Старов и сместился чуть в сторону по хлюпающей грязи: у Черныша реакция слева всегда была чуть похуже.

– Какая забота от человека, сидевшего в своих горах, пока небо не стало падать на Туру, – хмыкнул незванный гость. – Не изображай добренького, Алмаз, я тебя слишком давно знаю. Ты бы и не пошевелился, если бы твой телескоп продолжал работать, и о смерти королевы забыл бы в ту же минуту, как узнал. Ты слишком хорошо всегда умел себя оправдывать. Единственное, что нас отличает, – я никогда не лицемерил и не боялся запачкать руки.

– Амулет подмены внешности – твоих рук дело? – поинтересовался Алмаз, не отреагировав на эту тираду.

– Моих, – Черныш словно невзначай повернулся по ходу движения заклятого друга. – Но последнее покушение – инициатива Львовского. Я был против.

– Как удобно, что он не может ничего сказать, правда? – проговорил Старов с усмешкой.

– Да если бы и мог, – высокомерно ответил Черныш, – что мне стоило вложить ему ложные воспоминания? Придется тебе поверить мне на слово, Алмазушко. Я ведь тебе поверил, к тебе пошел...

– Прибежал, как всегда, когда пятки припекло, – безжалостно подсказал Алмаз Григорьевич. – Точнее, намочило. Откуда эта вода, Данзан?

– Я же говорю, любопытство сильнее тебя, – довольно хмыкнул Черныш. – Помогите мне, Алмаз. Сними проклятье. Я отработаю амнистию. Ты говорил, вам нужна помощь – вот он я, готов вам помочь.

Старов смотрел на него с задумчивым прищуром.

– Всегда поражался твоей непрошибаемости, – проговорил он медленно и кивнул подошедшему Алексу. – Пеленай, Саш.

Полыхнули с двух сторон светящиеся ленты, и Черныш выставил руки в стороны, удерживая их на расстоянии.

– Ты же знаешь, что я и сейчас могу уйти! – Снова пошла носом кровь, он забулькал, сплевывая. – Никакая тюрьма меня не удержит, Алмаз. Хочешь остаток войны провести, охраняя меня?

– Зачем? – отозвался Алмаз Григорьевич с иронией. – Старый добрый стазис. Будешь после войны стоять у меня в обсерватории с этим самым перекошенным лицом, дружище.

– Ты выиграй сначала войну, – зло сплюнул Черныш. – А я ведь помог тогда вам! – Он с натугой разводил руки, и ленты, выющиеся вокруг, то вспыхивали, сгорая, то вырастали заново, закручиваясь с новой силой. – В долине! Если бы не помог, фон Съедентент с Лыськовой давно были бы впечены в лаву. Тоже вру, скажешь?

– А ты забыл, почему мы там оказались? – Алмаз тряхнул кистью: в Черныша полетел стазис, и отступник отмахнулся, на мгновение потеряв концентрацию, захрипел, спеленатый лентами, а затем прошептал что-то, отчего они вспыхнули.

– Мне это надоело, – процедил он, перемещаясь в сторону от Таранов, летящих с двух сторон: от их столкновения магов чуть не сбило с ног силовой волной. – Спрашиваю еще раз и ухожу: поможешь мне, Алмаз? Или готов ради своего тщеславия оставить вашу армию без моей силы?

– Как-то до сих пор без тебя справлялись, – не впечатлился Алмаз Григорьевич. Посмотрел за спину Чернышу: Свидерский поднял руку, привлекая внимание, как на уроке. – Что, Саша? Ты ему веришь?

– Нет, – проговорил Александр неохотно, и Данзан Оюнович с нарочитым упреком покачал головой. – Но если он поможет защитить моих ребят, которых мы поведем на убой, Алмаз Григорьевич... пусть клятву кровную даст, такую, что нынешнее проклятье при нарушении покажется ему мечтой. Клятву, что не навредит никому из нашей армии. Нам с вами к порталу идти. Его резерв не помешает.

– Вот, слушай ученика, старый хрыч, – с некоторым облегчением посоветовал Черныш. Покосился на зашевелившегося человека неподалеку и добавил: – И крайне рекомендую прямо сейчас перенести лорда Макрута в какой-нибудь монастырь Триединого. Мы для него как три главных блюда, и если он нас отведаст, то все стычки с иномирными покажутся легкой разминкой. Будет жаль, если Брин спас его зря.

– Сначала клятва. – Свидерский двинул рукой, и темного, приподнявшегося на локтях и надрывно закашлявшегося, накрыло стазисом. – Мне еще убеждать командующего армией, министерство обороны и лично ее величество в том, что вы, Данзан Оюнович, безопаснее и полезнее здесь, а не в подвалах Зеленого крыла, начальник которого был бы счастлив вас там видеть. И мне хочется быть уверенным, что я не совершаю ошибку и вы не ударите нам в спину.

Черныш с высокомерным видом сложил руки на груди.

– Он бы ударил, – Алмаз Григорьевич, щурясь, постучал посохом по грязи. – Но я знаю, как убедить его это не делать.

К краю щита подошел командир подразделения, и Александр направился к нему, бросив собеседникам:

– Секунду, нужно объяснить, что происходит.

– Крепко-то тебя связало, Данзан, – Старов, проводив ученика взглядом, с удовлетворением осмотрел старого друга.

– Снять эту дрянь сможешь или просто болтал тогда, чтобы меня обнаружить? – осведомился Черныш невозмутимо.

– Болтал, конечно, – хмыкнул Алмаз. – Но плетение я вижу, это уже хорошо, – он, шлепая сапогами по мокрой земле, подошел ближе, подцепил несколько темных узлов в ауре, и покачал головой, разглядев, что нити проклятья спеленали горло, прошили позвоночник, оплели нервы по всему телу. – Сейчас, конечно, не сниму, разбираться надо. Но состояние твое на время облегчу. Пить сможешь, если осторожно, душ принимать тоже, а от рек-озер все равно придется держаться подальше. Но клятву, Данзан, завяжем на твое проклятье. Дернешься в сторону – кровью своей захлебнешься.

– Добренький, светлый человек Алмаз, – засмеялся Черныш, оглядываясь на что-то объясняющего командиру Свидерского. Солдаты постепенно расходились. – Твои ученики хоть понимают, что ты мог бы легко оказаться на моем месте? И их за собой утянуть?

Алмаз пробежался пальцами у шеи, дернул еще за одно плетение – и проклятый закашлялся.

– Угу, угу... понятно... Ты на моих учеников не смотри, Данзан. – Старов разглядывал темную сеть с тем же азартом исследователя, с которым сам Черныш недавно сканировал Макрута. – Что им нужно, они знают. Своих заводить стоило, я давно тебе твердил. Может, и человечности бы побольше сохранил.

– Уж молчал бы, – поморщился Данзан Оюнович. – Я многое могу твоим ученикам про твою человечность рассказать. Просто я всегда больше с живым работал, а ты с механизмами и амулетами, вот и вся разница.

Алмаз отступил и глянул старому другу в глаза.

– Разница в том, – сказал он серьезно, – что ты не любишь никого и ничего, кроме себя, Данзан. А я люблю и их, и то, что я делаю, и этот мир. И даже ты мне дорог, хотя наработал уже на смертную казнь. Берманское бешенство, взрывы... Но не хочу твоей смерти. Слишком мало осталось нас...

– Стареешь. Сентиментальным стал, – издевательски отчеканил Черныш.

– ...однако я убью тебя, не задумываясь, если мне просто покажется, что ты кому-то угрожаешь. Клятвой не ограничусь. Вплету в твою сигналку сердечную нить, и только дернись – упадешь замертво. Ты меня понял?

– А если я не соглашусь?

– Уйдешь в стазис и постоишь в королевской тюрьме, – пожал плечами Алмаз Григорьевич. – И не думай, что сможешь уйти. Саша заблокировал спектры, я успею ударить.

Данзан Оюнович еще раз огляделся. Усмехнулся.

– Ловко. Не доверяет мне твой ученик... ну, имеет право, имеет... Я его хорошо приложил тогда, понятно, почему он настороже. Да и ты умеешь убеждать, драгоценный мой друг. Нить так нить. Так ты расскажешь мне, зачем я вам так нужен, что вы даже готовы выбить мне амнистию?

– После клятвы, – отрезал Алмаз. – А амнистию сам себе заработаешь. Если все закончится хорошо, тебя будут судить. Переживешь нынешнее поколение королей в закрытом исследовательском центре под охраной, а там окажешь несколько услуг следующему правителю и выйдешь на волю. Ну а ты-то – поведает, зачем все-таки пришел сюда? Только без слезливых сказочек про раскаяние.

– Возможно, – тонко улыбнулся Черныш. – Когда ты будешь готов принять то, что я скажу. А теперь верни свой обычный блаженный вид, твой ученик возвращается. И хватит уже месить грязь, – он раздраженно переступил ногами, – давай переместимся куда-нибудь, где сухо. Я быстро принесу клятву, а ты ослабишь проклятье и дашь мне хотя бы выпить чаю... убить готов за чашку чая, Алмаз. И возможность вымыться.

– Скулишь, Данзан.

– Давлю тебе на жалость, – хмыкнул Черныш. – И это работает, ибо ты всегда был слаб на эмоции, дружище.

Александр, остановившийся неподалеку, подождал, пока на него обратят внимание.

– Мне сейчас придется восстановить спектры переходов. Вы справитесь без меня, Алмаз Григорьевич, или все же спеленаем его минут на десять, пока меня не будет?

– Почтение, молодой человек, – поморщился Данзан Оюнович. Сви́дерский не обратил на него внимания.

– Справлюсь, Саша, – ласково ответил Старов. – Ты куда этого молодца? Туда, куда я думаю? – и он кинул взгляд вниз, словно пытаясь что-то рассмотреть под землей.

– Тандаджи им заинтересуется, – кивнул Алекс.

– Бедняга Макроут, – с едкостью проговорил Черныш, глядя, как Сви́дерский поднимает молодого темного на плечо. – Было бы забавно посмотреть, как с него по мере допросов слетает идеализм, но все же скажу – он ни в чем не замешан. Чист. А о других рассказать все равно не сможет.

– Следователи разберутся, – бросил Александр, направляясь к выстроенному Зеркалу.

– Только пусть будут повежливее, – посоветовал Черныш ему в спину. – Вполне возможно, что сейчас на вашем плече болтается будущий король Блакории, господин Сви́дерский.

23 апреля, Блакория, Мартин

Барон фон Съедентент нырнул под один из больших навесов, растянутых на ночь между деревьями для защиты от косо́го холодного дождя. Под таким только что прошло короткое совещание, под такими же вповалку спали боевые маги его отряда, а также около полутора

тысяч бойцов последних подразделений, отступающих из Блатории, и местные жители, которые бежали вместе с солдатами.

Мартин, когда оставались силы, переправлял беженцев Зеркалами далеко вперед к передвижному лазарету, сопровождаемому Викторией: колонна с ранеными, слава богам, уже пересекла границу с Рудлогом и была в безопасности.

Но люди все прибывали – несколько сотен каждый день из окрестных сел и городов, с детьми на закорках, со скудными припасами, бросившие все, только лишь бы убежать от иномирян. Мартин поначалу проводил через Зеркало всех, прибывших за сутки, заодно используя это как возможность увидеть Вики. Но беженцев становилось все больше, а силы приходилось беречь: иномиряне нападали все ожесточеннее, участились и ночные атаки. В первые дни еле удалось выбраться из окружения – отступление шло с боями.

– Сюда, командир, тут посуше, – позвал его кто-то из ребят вполголоса. – Отдохните.

– Я у края лягу, – махнул рукой барон. Передернул плечами – он ненавидел холод и, хотя согревал себя уже рефлекторно, скучал по открытому огню. Укрепив щит под пологом на случай нападения, Мартин подхватил свой рюкзак со спальным мешком и некоторое время возился, разматывая его и укладываясь.

Последние отряды блаторийцев, чьей задачей было сдерживать продвижение врагов, чтобы спасти основную часть армии, из-за местных жителей двигались куда медленнее, чем планировалось. Потери росли и грозили обернуться катастрофой: вот-вот передовые части иномирянской армии, наступающей с Севера Рудлога, должны были перекрыть путь и зажать их в клещи. Об этом шла речь на совещании, об этом думал и Мартин, засыпая: объединившись с Вики и Гуго, они могли бы вывести под щитами хоть целый город. Но Гуго прикрывал передние отряды, а Вики... пусть она будет в безопасности.

Сон его был обрывочным, тяжелым: снова ему снилось холодное, промозглое детство, болеющая мать, хворост, который они собирали, хлеб, который хоть и пекся редко-редко, но Мартин до сих пор помнил его запах и вкус. Большая кровать, в которой они спали, согревая друг друга, прямо как бойцы сейчас, радость, когда у него проснулся дар стихийной магии: на них с младшим братом в лесу напали волки, и Мартин, испугавшись до икоты и слез, почувствовал, как изнутри поднимается что-то огромное, неподчиняющееся ему, и расшвырял зверей выбросом чистой силы.

Он давно не мог замерзнуть, но сейчас мерз от воспоминаний и стука холодного дождя, мерз, поджимая озябшие пальцы, кутаясь в скрипящий мешок, и хотелось ему подержать руки над огнем и снова согреться, как тогда, в детстве.

Кто-то погладил его по щеке.

– Мама, – губы шевелились, но слова не выговаривались, и язык отказывался слушаться. Рука на щеке стала нежнее, теплее.

– Мартин, – прошептал знакомый голос. Мамин и не мамин.

Он с трудом разлепил тяжелые веки. Рядом с ним на корточках сидела Вики – волосы стали еще короче, почти под ноль, лицо сильно похудело. У ее ног стоял рюкзак, под мышкой она держала термос.

– Мы добрались до места назначения, – сказала она хрипло. – Лазарет в безопасности. У тебя в мешке хватит для меня места?

Мартин молча расстегнул молнию, сел, распуская шнуровку, чтобы увеличить площадь, и Вики, сбросив ботинки, опустилась рядом с ним. Открыла термос – под навесом потек запах горячего вина, пряностей, меда.

– Я подумала, что тебе не помешает горячий глинтвейн, – прошептала она, наливая напиток в крышку. – Рудложцы нас встречали согревающим. Плохой сон?

– Теперь хороший, – тихо ответил Мартин и, не удержавшись, привлек ее к себе: она ойкнула, отставив термос и стакан в стороны, чтобы не разлить. Поцеловал ее в бритый висок. – Зачем ты пришла, Вик?

– На помощь вам, – ответила она. И добавила неслышно. – И поговорить.

Мартин стиснул ее крепче, застонал от бессилия.

– О чем?

– Ты знаешь, о чем.

Он держал ее в объятиях и не хотел отпускать. Дождь усилился и шумел так, что казалось, сейчас прорвет полог. Бойцы крепко спали.

– Ты же видел, как изменилась аура Дармоншира, – торопливо и успокаивающе шептала Виктория ему в щеку. – Слышал, что сказал змеядух: герцог – последний из сыновей Инлия. Я не знаю, как это может быть, Март, ведь многие белые аристократы еще живы. Эти слова имеют смысл только если он – Инландер! Но даже если нет... по силе ауры он сможет принять корону. Я не уберегла короля Луциуса, но могу прикрыть спину Лукасу Дармонширу, кем бы он ни приходился его величеству. И Марина Дармоншир беременна. Если я все правильно понимаю, то ее дети – наследники инляндского трона. Она так много сделала для нас. Дала нам свою силу. Я хочу помочь ее мужу защитить ее... Март?..

– Что? – отозвался он потерянно. – Ты права, Вик, во всем права. Я еще в замке Вейн знал, что ты уйдешь в Инляндию.

– ...я сейчас все уроню.

Барон ее отпустил, и волшебница протянула ему стакан. Он, покачив головой, взял термос, запрокинул голову и сделал несколько глотков пойла, такого терпкого и обжигающего, что слезы выступили на глазах.

– Не плачь, – засмеялась она тихо.

– Это глентвейн, – буркнул он, делая еще глоток. – Не хочу расставаться с тобой, Вик.

– Но меня и так не было рядом, – заметила она рассудительно.

– Это другое. Какие-то паршивые двести километров. И то я не каждый день мог видеть тебя. Впереди самые сложные бои, а до Дармоншира выстроить Зеркало тяжелее в десять раз. Что, если мы не увидимся до конца войны?

– Главное, чтобы вообще увиделись, – шепнула Вики.

– Даже не думай про это, родная, – жестко приказал он. – Не смей.

– Не буду, Март, – она вновь ласково погладила его по лицу, и барон снова поник.

– Ведь я не смогу пойти с тобой, Вик. Не могу бросить своих ребят. И всех этих людей.

– Я знаю, – волшебница грустно улыбнулась.

– И не могу тебя не отпустить.

– Не можешь, – Виктория глотнула глентвейна из крышки-стакана. – Я уже подала рапорт генералу Дорфингьеру. Договорились, что сначала помогу вам. Доведу вас до границы с Рудлогом, Мартин.

– Хоть одна хорошая новость, – со вздохом отозвался барон. – Ты ведь знаешь, как я боюсь за тебя, Вик? У меня зубы стучать начинают каждый раз, когда вибрирует твоя сигналка, а я не могу помочь.

– Знаю, милый, – сказала Виктория, обнимая его. – Ведь со мной происходит то же самое.

Они допили глентвейн, легли, застегнув спальный мешок и прижавшись крепко-крепко, лицами друг к другу, словно пытаясь компенсировать будущую разлуку. И там, в этом общем тепле, пытались заснуть и не могли.

– Ко мне приходил Саша. Мотается между Севером и Югом и к своей Катерине ухитряется заглядывать. На Юге готовит отряд для помощи Максу, на Севере помогает наступлению.

Наша армия скоро соединится с их частями. Но мы недолго смогли пообщаться, полчаса, не больше.

– Мы с тобой три дня назад виделись, когда вы успели?

– Позавчера. Сказал, что к ним присоединился Черныш. Алмаз ему обещал амнистию.

– Дед сдурел на старости лет, – пробормотал Мартин.

– Это Данилыч сдурел. Хочет взять его в свой отряд. Сказал, что повязали старика кровной клятвой и он безопасен. Сейчас Черныша допрашивают, но предварительно его участие согласовали. Под ответственность Алекса. Если старик кого-то еще убьет, Алекс пойдет под суд с ним в паре.

– Гениальная кадровая политика, – буркнул барон, прижимая супругу еще сильнее. – Брать в команду свихнувшегося мага, который приложил руку к убийствам половины королей Туры и самого Алекса чуть не угробил. Хотя если он поможет вытащить Малыша... как там наш герой? Данилыч не говорил?

– Встретились с Четери. Идут к порталам.

– Ну слава богам. Этот дракон всем за Малыша надерет задницы. Хотя какой он Малыш. Уже вырос. Женился.

– Не стыдно тебе? – укоризненно хмыкнула Виктория. – Бедная девочка.

– Очень стыдно, – покаялся Мартин и тихо, давясь, засмеялся в плечо жене. – Клянусь, в эти дни только две вещи поднимают мне настроение: встречи с тобой и мысли о женитьбе Макса.

Они захихикали оба, завозились, целуясь, и замолкли только когда кто-то из бойцов зашевелился. Но ненадолго.

– Ты мой бедный. Такой уставший, – Вики гладила супруга по спине, по шее.

– А ты, Вик? Одни глаза остались, – Мартин сонливо подставлялся под ласку и в темноте разглядывал волшебницу. – Ты похожа на мою маму, знаешь?

– Ты это понял после шестидесяти четырех лет знакомства?

– Угу. Как увидел тебя сейчас. Она красивая была.

– Я помню, – пробормотала Виктория. – Ты нас знакомил на седьмом курсе.

– Очень красивая. Особенно, когда я маленький был. Потом, конечно, смерть отца и бедность ее подкосили. А в последние годы она сильно болела. И тоже остригла волосы, они выпадали из-за слабости. Вот посмотрел на тебя и увидел ее.

– Ты ее любил?

– Да. Так же сильно, как тебя, но по-другому.

– Ты мало рассказывал про нее.

– Мы с тобой ведь вообще мало говорили, Вик. Я про то, что твои родители погибли в автокатастрофе, узнал от Макса. Хотел пойти к тебе, поддержать... но ты тогда уже больше года была с Сашей. Не смог.

Они помолчали.

– Я давно о них не думала, – призналась Виктория. – Это ужасно, но, когда не думаешь, кажется, что они живут где-то в другом городе, и мы просто откладываем встречу.

– Я маму тоже нечасто вспоминаю, Вики, – Мартин зашевелился, поворачиваясь на спину, и волшебница положила голову ему на плечо. – Она ведь умерла, когда я уже работал и все мог дать ей.

– Я помню.

– Выкупил наше поместье и дом в столице. Братьев устроил на учебу. Она так радовалась, Вик. Очень любила наш дом. Тоже постоянно зажигала камин. Все наладилось, у нас были деньги, я ее баловал, она стала оживать... и вдруг умерла. Просто остановилось сердце,

несмотря на то что я каждый день ее проверял. Надорвалась, поднимая нас. И поэтому я боюсь, понимаешь?

– Да, родной.

– У нас с тобой тоже только все наладилось. Я до сих пор поверить не могу, Вики, что ты моя жена.

– Я понимаю, Март. Понимаю. – Она поцеловала его в щеку. – Не бойся за меня.

– Обещай мне, что не будешь рисковать. Не полезешь спасать кого-то, подставляясь под удар. Даже меня.

– Конечно, – прошептала она уверенно. – Обещаю. А ты?

– И я обещаю.

– Мы оба врем, Март, – вздохнула она.

– Я знаю. – Он снова повернулся набок, к ней лицом. – Но хоть так, родная.

Рядом недовольно забормотали, и они опять замолчали. Из-за алкоголя и тепла наконец-то начала накатывать дрема, но они то и дело открывали глаза и смотрели друг на друга. Сплетали пальцы, продолжая общаться без слов, целовались, и поцелуи эти были на вкус, как счастье и горечь.

Дождь почти закончился, и тяжелые капли падали с полога в темноте: кап, кап, кап. Под этот мерный стук они и заснули, не размыкая рук.

Глава 2

Двадцать первое апреля, Инляндия, Люк

Его светлость Лукас Дармоншир неся в сторону Форштадта, обгоняя ветер. Ветер, посмеиваясь, иногда настигал его, распахивая большой полупрозрачный клюв и издавая насмешливое шипение. Обтекал, обидно показывая хвост из перьев-ветерков, и герцог, ревниво вытягиваясь в струну, снова вырывался вперед.

Он бесконечно любил мгновения таких стремительных полетов: ледяную свежесть небес и тишину, солнце, настолько яркое и близкое, будто можно протянуть лапу и потрогать его, родственную энергию, что пронизывает тело и бодрит, как прорубь. Разве может быть что-то желаннее этого?

«Марина», – вспомнил змей и, встrepенувшись, встопоршил перья и чуть не затормозил, чтобы развернуться обратно к Дармонширу. Но он летел уже около пяти часов, и только то, что белесые и ржавые осыпи холмов Форштадта уже виднелись впереди, остановило его. Люк нехотя, нахохлившись, помчался дальше, призывая себя к порядку.

Обещанное Луциусом окончание буйства гормонов в змеином облике никак не происходило. Да и в человеческом организм не отставал, но хотя бы не отключал мозг: с утра Люк все же смог заставить себя вылезти из теплой постели, в которой так хорошо и тепло спалось рядом с Мариной.

– Уже летишь? – пробормотала она, когда он сел на кровати. Разнеженная, взъерошенная. Подобралась ближе и, не вставая, прижалась выпирающим животом к спине, поцеловала в бедро, зевнула. – Я позавтракаю с тобой.

– Не нужно, я поохочусь по пути, – хрипло сказал он, повернув голову и поглаживая жену по щеке. Марина, жмурясь, ловила его большой палец губами, розовыми, припухшими, и, хотя Люк вдоволь получил от нее ласки вечером, на спине его выступила испарина, и сердце застучало, разгоняя кровь. Он поспешно встал, и супруга повернулась на спину, прижимая к себе одеяло и понимающе посмеиваясь.

– Лети, – она зевнула в ткань и помотала головой, стоня сон. – Не буду тебя трогать. А то никогда не улетишь.

Он бы и не улетал от нее никогда.

Все эти дни он был почти неприлично счастлив, хотя после завтрака Марина уходила в лазарет, а он улетал по бесконечным делам. Но армия дармонширцев продвигалась вперед, срок восстановления, отпущенный Люку командующим Майлзом, подходил к концу, и обязательно нужно было добраться и до Форштадта, и до герцогства Таммингтон.

Из-за отсутствия в Инляндии связи и трудностей с передвижением, сведения, поступающие от агентов Леймина, были разрозненными и редкими, и приходилось пользоваться данными, любезно предоставляемыми внешней разведкой Рудлога. Но чтобы скоординировать с союзниками с севера Инляндии дальнейшие действия, нужно было лететь к ним лично.

Каким-то образом и княжество, и герцогство, расположенные на противоположных концах границы Инляндии с Блакорией, ухитрились продержаться до сих пор, не имея магической поддержки змея воздуха, и Люку было очень любопытно – как. Но в первую очередь важно было понять, смогут ли эти союзники поддержать наступление дармонширцев или хотя бы дальше оттягивать на себя северную часть армии генерала Ренх-сата.

Вспомнив о вражеском генерале и о своем позорном подростковом порыве, Люк досадливо шелкнул клювом и поспешно проверил, не слетела ли от эмоций невидимость. Пусть они мчались высоко, выше облаков, там, где его светлость мог подпитаться от сияющих потоков родной стихии, стоило быть предусмотрительным и не обнаруживать себя. Хотя вряд ли его кто-то бы разглядел. Не до того было людям внизу.

Он все это время держался границы с Рудлогом и внимательно смотрел вниз, на поля и леса, словно нарисованные на поверхности Туры, на маленькие поселения и крупные приграничные города Инляндии, большинство из которых, как он знал, были уже захвачены иномирянами. Иногда он видел пролетавшие далеко внизу небольшие стаи раньяров с всадниками и еле удерживался от вступления в бой, и поднимался выше, чтобы остыть.

Над ним мелькали гигантские тела таких же змееветров, как и тот, что был привязан к нему, и вроде все было как обычно, пока Люк не поднялся совсем высоко, туда, где воздух от холода звенел чистой свирелью, и не заметил, насколько снизилась мощь стихийных потоков, текущих теперь под ним. Где-то перламутровые реки планетарных ветров расслаивались, становились рыхлыми, где-то и вовсе иссыкали в тонкие ручейки и закручивались невидимыми рассеянными вихрями: создавалось впечатление, что источник, который питал все небесное движение, сам ослаб и оскудел.

Люк бы долго ломал голову над этим явлением, но недалеко от Форштадта вновь напомнил о себе голод, утихший было после двух бычков, употребленных на завтрак, и пришлось снижаться для охоты.

Его светлость, оставив спутника-змееветра высоко в небесах, ушел в сторону от поселений и полетел километрах в пятидесяти от границы, над густым лесом, высматривая добычу. Конечно, в море еды было больше, да и касаток с китами Люку почему-то было не так жалко, как лесных животных. Но сейчас выбирать не приходилось – голод нарастал, инстинкты брали верх над разумом, и змей, увидев крупного матерого лося весом не менее полутонны, рванул вниз, вихляя меж деревьев, схватил его, мгновенно перекусывая клювом хребет, и заглотил, уже поднимаясь выше, давясь от жадности и окропляя кроны деревьев красным.

Голод утих, и Люк, облизывая испачканный клюв длинным языком и еще чувствуя на нёбе вкус горячей солоноватой крови, медленно, приходя в себя, полетел дальше. После охоты ему до сих пор становилось неловко за себя, раз за разом побеждаемого примитивными инстинктами. Его светлость кручинился бы и дальше, не замечая ничего вокруг, если бы вдруг не проехался животом по огромному, мощнейшему щиту, закрывающему самый обычный небольшой дом, длинный, каменный, выстроенный углом и напоминающий охотничьи поместья инляндских дворян. Самым примечательным в нем была небольшая оранжерея, пристроенная с торца. Дом стоял в глухом лесу и был окружен дубовой рощей, переходящей в дремучий лес без всяких дорог.

Люк так удивился, что вернулся, встал на щит и несколько раз аккуратно, с любопытством тукнул его клювом.

От купола чувствительно ударило электричеством, змей подлетел, поджав лапы. Дубы вокруг дома странно зашевелились, вытягивая вверх зеленые ветви, и Люк, презрительно зашипев, помчался вперед, от греха подальше. Видимо, он наткнулся на убежище кого-то из сильнейших магов, и не хотелось так и не долететь до Форштадта, угодив по очередной подростковой глупости в ловушку, оставленную хозяином для незваных гостей.

Форштадт оказался вымершим. Люк видел в деревеньках, расположенных между скалами и холмами, инсектоидов и отряды иномирян, видел их и на опаловых рудниках – враги копошились там, откалывая и просматривая куски руды, – но за время полета не заметил ни одного местного жителя. Несколько десятков тысяч форштадтцев как сквозь землю провалились.

Кривые улочки Мьёлнхольна, столицы Форштадта, тоже оказались пустыми – если не считать настороженно патрулирующих улицы иномирян. Люк, пролетая над крышами невысоких, плотно прижатых друг к другу домов, задел хвостом одну из труб: зашуршали, посыпались вниз камушки – и патруль, проходящий по улочке, заметался, стал беспорядочно палить вверх, в стороны как из своих доисторических арбалетов, так и из туринских автоматов.

Люк с недоумением хмыкнул. Чем-то враги были сильно напуганы.

Княжеский дворец встретил змея провалившейся сгоревшей крышей и закопченными стенами. Ни одного целого стекла в окнах не осталось.

Люк обтек здание по кругу, заглядывая в воняющие гарью проемы, остановился у балкона, где они говорили с покойным Лоуренсом Инландером о принцессе Ангелине, заглянул и в музыкальную комнату, где слушал игру княгини Дианы. Пусто. Дворец был разграблен, а то, что не сумели унести, – расколотили почти в труху.

Его светлость задумчиво пролетел над беседкой, где целовал несчастную княгиню, еще раз, непонятно на что рассчитывая, облетел дворец и начал прочесывать город. Ну не могли же испариться все жители! Хоть кто-то должен был остаться!

Но он не видел никого, кроме иномирян.

Люк с досадой облетел стаю раньяров и завис вопросительным знаком высоко в воздухе. Ему еще предстояло добираться к морю, в Таммингтон, но как улететь, не разобравшись? Может, все форштадтцы ушли в Рудлог? Но тогда бы Леймин об этом знал, да и рудложская разведка не стала бы говорить, что в княжестве организовано активное сопротивление. Или за последние сутки ситуация резко поменялась, и местные отступили к границе с Блакорией? Но как же женщины, дети, старики? Где они?

Поколебавшись, Люк решил все же проверить и районы Форштадта, прилегающие к Блакории. Но только он стал набирать высоту, как где-то за столицей прогремел взрыв. Взметнулось из-за дальнего скального холма белое облако пыли, застрекотали выстрелы, и снова, один за другим, стали грохотать взрывы.

В ту сторону метнулись раньяры, кружащие над Мьелнхольном, но Люк мчался быстрее – он за полминуты оказался у холма, над которым стелилась пыль, и снизился, держась с подветренной стороны и морщась от оглушительных, отражаемых каменными холмами выстрелов.

Холм оказался наполовину стесан выемкой-рудником, часть стены которого сбоку отошла, открыв белый тоннель, из которого выбегали вооруженные люди. Туда же споро уносили раненых.

Рудник продолжал дымиться.

Иномирян, которые, видимо, и здесь занимались добычей камней, было около полусотни – выжившие после взрыва организовались, отступив, и в пыльной пелене кипели схватки. Тут же лежали тела врагов, разорванные охонги. Оставшихся инсектоидов огнеметами теснили к склону холма – слышался визг, треск спекающегося хитина, тянуло удушливым запахом горячей плоти и муравьиной кислоты.

Человек в военной форме, опустившись за крупный кусок породы, отстреливал иномирян одиночными выстрелами из автомата и отдавал своим короткие, зычные приказы. Он повернул голову в сторону города, увидел раньяров – те были уже совсем близко – и что-то заорал бойцам, махнув рукой. Форштадтцы стали медленно отступать к тоннелю.

«Твою мать», – с чувством подумал герцог, вглядываясь в командующего сопротивлением. Постаревший, с лицом, изуродованным шрамами, сединой в черных волосах, но это был барон Альфред Дьерштелохт, командир личной гвардии принца Лоуренса Филиппа. Некогда славно поизмывавшийся над Люком младший брат Фридо Дьерштелохта, начальника личной гвардии королевы Магдалены.

Его светлость, сохраняя невидимость, ткнул клювом бросившегося на барона охонга: инсектоид, вдруг с хрустом лопнувший, как перезрелая виноградина, и обрызгавший всех вокруг слизью, вызвал крики изумления как у иномирян, так и у защитников рудника.

– «Нет-нет, – пробормотал Люк про себя, – Дьерштелохту умирать сейчас никак нельзя, мне слишком любопытно».

Он развернулся к раньярам и под звук вновь застрекотавших автоматов запустил в стаю несколько смерчей.

Заревели три вихря, опускаясь на землю у рудника, и Люк досадливо выругался от очередной своей промашки: каменная пыль, уже осевшая, взметнулась ввысь и потекла к воронкам, запылив и людей, и его самого. И иномиряне, и форштадтцы застыли, куда больше испугавшись вдруг проявившегося чудовища, чем смерчей, которые поглощали стрекоз, стелкая их и ломая крылья.

Несколько недобитых охонгов, одуревших от запаха крови, с верещанием кружили по руднику, отхватывая куски плоти у трупов. Выглядело это тошнотворно. Люк, мельком взглянув на свои припудренные лапы, вздохнул: уж раскрылся так раскрылся, мало было ниоткуда взявшихся смерчей, о которых бы и так доложили Ренх-сату, – и с шипением, в несколько бросков растерзал инсектоидов.

Иномиряне с криками ужаса разбежались от него в стороны, снова заговорили автоматы очнувшихся форштадтцев. Кто-то прокричал: «Не заденьте тварь с крыльями, это же змей Дармоншир, это свой!», – и Люк заклекотал от смеха, чуть не подавившись последним из чудищ.

Когда с врагами было покончено, герцог сменил ипостась и спланировал на каменную крошку рядом с Дьерштелохтом. Тела обыскивали, собирая оружие и боеприпасы и унося их в узкий проход. Кровь на белых камнях от жары успела свернуться почти до черноты.

Барон покосился на Люка, затем на причесанные вихрями холмы, где, как прихлопнутые мухи, были разбросаны дохлые раньяры.

– Я думал, врут про змея, – сказал он вместо приветствия. Лицо его поблизости казалось страшным от шрамов. Будто его резали наживую.

– Почему? – чуть гнусаво полюбопытствовал герцог: в ноздрях от пыли свербело просто невыносимо.

– Потому что, когда я вам пересчитывал ребра в борделе, вы не обернулись, чтобы спастись, – буркнул Дьерштелохт.

– Да вы гений коммуникации, барон, – похвалил его Люк, потирая нос, – сразу зашли с общих приятных воспоминаний.

Бывший командир форштадтской гвардии вздернул тяжелый подбородок. На Люка он не смотрел.

– Я не горжусь тем, что делал, герцог, – ответил он наконец. – Я совершил немало ошибок, пусть даже часть из них была не по моей вине. Но прямо скажу: хорошо, что я тогда вас не убил.

– Безусловно, – с иронией согласился Люк. – Но забудем, барон, сейчас мы на одной стороне. – Глаза слезились от пыли и солнца, и он поморгал, глядя, как солдаты кирками и ножами сквыривают куски хитина с раздавленных охонгов, грузят на тачки и увозят в проход. И, конечно, не удержался от вопроса: – Зачем вам эта дрянь?

– Мы первое время после боев сжигали и инсектоидов, – проговорил барон Альфред, – пока не узнали, что из них нежить не восстает. Но тогда и выяснили, что их хитин плавится при высокой температуре. По идее он должен сгорать, как любая органика, но нет: сначала раскаляется, трескается почти в пыль, а затем плавится, и из него можно лить что угодно. Когда остывает, остается таким же прочным. Вот у нас в кузнях и льют утварь, пластины для бронежилетов...

Их разговор прервал боец с огнеметом.

– Командир, падаль сжечь успеем? – Он ткнул ботинком одно из тел. – Нам бы здесь нежити не нужно! Или оставим их насекомым?

Дьерштелохт глянул в сторону столицы, поднес к глазам небольшой бинокль.

– Оставьте, – приказал он, – уже опять летят. Все вниз! – И пока бойцы один за другим исчезали в проходе, повернулся к Люку и объяснил: – Иномиряне боятся нежити не меньше, чем мы, поэтому скармливают трупы своим тварям. А нам важно не показывать наши выходы.

– Я так понимаю, оборона Форштадта – ваша заслуга, – пробормотал Люк с уважением. – Жажду узнать, какими судьбами вы здесь.

– Поговорим внизу, – отозвался Дьерштелохт, наблюдая за солдатами. – Мне тоже интересно, почему вы, объявленный погибшим, стоите рядом. Но Диане... ее сиятельству следует присутствовать при беседе.

Герцог вновь потер нос, вдруг развеселившись.

– Я был рад, когда узнал, что милая княгиня спаслась, – вполне искренне сказал он.

Дьерштелохт ответил невозмутимым взглядом, но лицо его будто расслабилось, просветлело.

– Я тоже, – ответил он и вполне радушно махнул рукой, приглашая герцога первым пройти в проход. – Проходите. И спасибо за помощь, Дармоншир.

– Не за что, – любезно отозвался его светлость. Понаблюдав, как абсолютно тихо – тут точно не обошлось без какого-то магического вмешательства – встает на место огромный кусок камня, закрыв вход в штольню плотно, без единого зазора, и наконец-то оглушительно чихнул.

Люк и раньше слышал про подземные уровни Форштадта, про то, что здесь, в старых выработках, находятся целые улицы с вентиляцией, магазинами, кинотеатрами и торговыми центрами, но не представлял всей грандиозности подземного княжества. Фактически в каменном щите под княжеством поместился еще один Форштадт.

Штольня, в которую они попали из рудника, уходила дальше в холм под легким наклоном, но Дьерштелохт, следуя за солдатами, свернул в одно из ответвлений, и там оказался самый обычный современный лифт, просто очень большой. Почти такой же соединял жилище Люка в блакорийских горах с подземным гаражом.

– А откуда здесь свет? – поинтересовался его светлость, стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды бойцов и вглядываясь в уровни, которые они медленно преодолевали: самый верхний представлял из себя гигантскую пещеру, в которой росли сады и паслись на натуральной траве козы и коровы, а сверху лилось солнечное сияние.

– Система зеркал и артефактов, герцог, и скрытые расщелины в холмах, – нехотя ответил Дьерштелохт.

– А электричество? – не унимался Дармоншир: на втором уровне обычные фонари освещали обычную улицу с домами и магазинами, между которыми сновали люди. Просто вместо крыш у домов и неба был белый каменный потолок.

– Электростанция на подземной реке. На самом нижнем уровне.

– И вы знали обо всем этом, когда служили у Лоуренса Филиппа?

– Нет, – сухо проговорил барон Альфред. – Мне, как и всем, был доступен только столичный, торговый уровень. Я не представлял, что здесь все куда грандиознее. Пока Диана за три дня не увела всех жителей сюда. Оказалось, что из этой системы уровней есть выходы почти на все рудники княжества, и во многие дома в столице, чем мы и пользуемся...

– Какие предусмотрительные у княгини были предки, – удивленно пробормотал Люк. – А вы не боитесь, что одно землетрясение – и все тут рухнет вам на головы?

– Пока здесь все укреплено системой артефактов. – Лифт, наконец-то, остановился на пятом уровне, и они вышли в большую пещеру с плацем, на котором тренировались несколько десятков солдат, зданиями, напоминающими казармы, и огромными фонарями под потолком. – Эти уровни пережили множество землетрясений. Предки ее сиятельства действительно были предусмотрительными.

«И невероятно богатыми, по всей видимости», – Дармоншир крутил головой, поражаясь, насколько продуманно все здесь сделано. Сколько же денег сюда вложено, уму непостижимо: одна вентиляция должна была стоить миллионы. Теперь стало понятно, почему Луциус предпочел связать младшего сына с Форштадтом, а не отдавать его принцем-консортом в Рудлог.

Из-за белых стен не было давящего ощущения, какое появляется в подземельях. Было прохладно, но воздух казался свежим и влажным, и даже ощущался легкий ветерок.

Солдаты разошлись к разным зданиям: тележки с оружием были оставлены у одного, хитин вывален у другого, в гору таких же кусков. Дьерштелохт провел Люка дальше, к самым обычным лавочкам, расположенным у входа в казарму.

– Княгиня в это время обходит семьи с детьми, – сказал барон, – я прикажу, чтобы ей доложили о вас, и мы поднимемся к наш... к ее дому. Пока прошу подождать, мне следует привести себя в порядок. Вам что-то нужно, герцог?

– Разве что сходить по нужде, выпить воды и покурить, – честно признался Люк, нащупав в кармане пачку, вместе с одеждой восстановившуюся при обороте. – Здесь это возможно?

– Воду вам принесут. Нужник в казарме, а курилка вон там, – барон Альфред указал на углубление в стене, где слышался гул, будто от потока воздуха. – У нас давно нет сигарет, поэтому никто не курит. Там сильная вытяжка, осторожнее, прикуривайте снаружи.

– Конечно, – сказал Люк обрадованно.

Он, докуривая уже вторую сигарету, обошел кругом помещение, действительно похожее на трубу: по белым стенам в полу и потолке были прорезаны отверстия, по которым воздух и поднимался вверх. Дым улетал в них мгновенно.

У входа раздалися шаги; солдат, принесший воду, помялся и попросил у герцога покурить. Через несколько секунд подошел второй, а когда в проеме появился барон, переодетый и посвежевший, Люк, раздавший уже всю пачку, стоял среди пары десятков бойцов, отвечая на вопросы и вместе с ними хохоча над грубоватыми военными шуточками. Увидев командира, солдаты притихли.

– Для меня найдется сигарета? – спросил барон Альфред спокойно. Люк развел руками – у него самого оставалось затяжки на три.

– Возьмите у меня, командир, если не побрезгуете, – проговорил грузный пожилой боец, предлагая сигарету, выкуренную на треть.

– Спасибо, – барон протянул руку, солдаты заулыбались, расслабились, и еще с минуту в курилке стоял дружественный гомон и смех.

Подземный дом княгини Форштадтской находился на втором уровне, среди почти одинаковых домиков-пещер на главной широкой «улице». Им открыл дворецкий, почтительно поклонился барону.

«Как хозяину», – отметил Люк.

– Где госпожа Диана, Мигги? – поинтересовался Дьерштелохт.

– Ждет вас в столовой, господин барон.

Столовая выглядела изнутри как обычная столовая обычного наземного дома: с люстрой под потолком, обоями в цветочек, сервантами по стенам, камином и тяжелым, уже накрытым столом посередине. Княгиня, такая же крепко сбитая, как и раньше, но немного бледная, с неуловимо повзрослевшим лицом и аккуратно уложенными рыжими волосами, с радостью поднялась из-за стола им навстречу. Протянула руки Люку, и он учтиво сжал их, поднес одну к губам.

– Прекрасно выглядите, ваше сиятельство. Очень рад нашей встрече.

– И я, – сказала она искренне, чуть порозовев. – Нам говорили, что вы погибли.

– Я просто был сильно ранен, – скромно пояснил Дармоншир, – и долго не мог добраться к своим. Ничего интересного, поверьте.

Наверное, переусердствовал с равнодушием – Дьерштелохт взглянул на него с сомнением. А княгиня, ничего не заметив, просияла:

– Как хорошо, что все обошлось! Садитесь же за стол, герцог, вы наверняка проголодались. Альфред, – она повернулась к барону, коснулась его плеча, и тот прижал ее ладонь к груди. – Все в порядке?

– Все прошло хорошо, Диана, – ответил он мягко, шагнул к ней, склоняясь, и княгиня на мгновение прильнула к нему, целуя в изуродованную щеку.

Люк деликатно опустил глаза к говядине в зеленом горошке и не поднимал их, пока все не разместились за столом.

– При отступлении из дворца лорд Розенфорд был так любезен, что не оставил нас с братом и других заключенных в камерах, – рассказывал Дьерштелохт. – Нас под конвоем вывезли вместе с сотрудниками Управления безопасности, и мы присоединились к отступающей армии. Но армия за какую-то неделю была уничтожена. Розенфорд в одном из последних боев приказал выдать нам оружие и разрешил встать в строй. Его убили, наш отряд тоже был разбит. Мы с Фридо попали в плен, – его изуродованное шрамами лицо дернулось, – но через несколько дней нам удалось отбить оружие и бежать. Фридо погиб, прикрывая меня. Мне же удалось добраться до Рудлога, и вдоль границы я дошел до Форштадта. Диана уже готовилась к войне, но иномиряне появились у княжества на неделю позднее меня. Мы успели организовать оборону.

– Мы думали, здесь командует ваш отец, старый князь, – сказал Люк княгине, отдавая должное той самой говядине.

Лицо леди Дианы помрачнело.

– Отец не успел до нас добраться. Он выслал к нам жену с моим младшим братом, а сам с небольшим отрядом и министрами встречал иномирян у границы... хотел договориться, соблюсти нейтралитет, чтобы княжество не трогали, – она встретила недоумевающий взгляд Люка и пожалала плечами. – Я была против, но разве он слушал меня? Отец всегда умел торговаться. И если мой дед и предки до него привыкли к войне, отстаивая княжество, то он ценил мир и не стеснялся продаться кому угодно ради него. И продать кого угодно, – горько добавила она. – Я не могу его судить: деда убили в последней стычке Инляндии с Блакорией за Форштадт. Страх войны всегда витал над нами. Но попытка договориться не уберегла ни моего отца, ни княжество. Его голову с прибитым ко лбу требованием сдаваться сбросили к дворцу, когда до вступления иномирян в Мьелнхольн оставалось три дня.

– Сочувствую, – проговорил Люк.

– Ничего, – жестко сказала леди Диана, бледнея еще сильнее. – Он получил, что заслуживал. А мы теперь выходим из укрытий и даем иномирянам то, что заслуживают они.

– Вы изменились, ваше сиятельство, – с сочувствием отметил Дармоншир. – Видимо, вам нелегко пришлось.

Барон Альфред бросил на него предупреждающий взгляд.

– Вы тоже, не так ли? – печально улыбнулась княгиня. – Нам всем пришлось измениться, стать сильнее... и умнее. Да, было нелегко, но моему народу, к счастью, повезло чуть больше, чем остальным инляндцам. Форштадт – это земля шахтеров, герцог. Здесь взрывчатки всегда было больше, чем во всей остальной Инляндии, и каждый человек, исключая младенцев, хоть раз держал в руках кирку. У нас уже были уровни, которые нас защищают.

– Но как они появились? – заинтересовался Люк. – Как вообще кому-то из ваших предков пришла идея осваивать выработки?

Ее сиятельство, едва успев за живым разговором положить в рот кусок, с достоинством прожевала его и спросила с горечью:

– Вы ведь наверняка видели наши опалы, герцог?

– Конечно, – подтвердил Люк. – Даже увез в прошлый раз пару горстей.

– А теперь представьте, что в нашей земле, в стенах пещер, – она изящно повела вилок по сторонам, – под нами и над нами находится в миллионы раз больше камней. Разве вы

не изучали историю? Не знаете, какой мы лакомый кусок для соседей, герцог? Форштадтцы с открытия тут опалового месторождения почти тысячу лет живут между молотом и наковальней, между Блакорией и Инляндией, и привыкли прятаться и защищать свою землю. Старые шахты и подземные пещеры были приспособлены под жизнь очень давно. И постоянно использовались. Ведь, бывало, только заканчивалась одна стычка, и начиналась другая. Дрались за наши камни сначала Гёттенхольды с Инландерами, потом Блакори с Инландерами, даром что дети одного бога, а больше всего страдали форштадтцы. Последняя война была при Луциусе Первом, и более-менее крепкий мир наступил только после помолвки принцессы Магдалены с наследником престола. Они тогда были совсем детьми... Но я отвлеклась. Как видите, нам оставалось только расконсервировать уровни и перенести сюда все необходимое для жизни и сопротивления.

Слуга в аккуратной ливрее неслышно вошел в столовую, и собеседники замолчали, пока он менял тарелки на чистые, десертные, и ставил на стол яблочный пирог, простой, но с любовью украшенный завитушками теста. Несмотря на очевидную ограниченность продуктов, видно было, что слуги стараются поддерживать привычный хозяйке комфорт.

– Я поражен увиденным, – признался Люк, когда слуга разложил пирог по тарелкам и вышел. – Не мог себе даже представить, что на Туре существует что-то подобное. Однако, как вы понимаете, я не просто так прилетел. Нашему командованию необходимо понимать, сможете ли вы поддержать наступление дармонширцев со своей стороны.

Леди Диана взволнованно взглянула на барона Альфреда.

– Нет, Дармоншир, – хмуро ответил он за нее. – Мы с вами пообщаемся после обеда в присутствии командиров наших подразделений: надо обменяться сведениями и планами, подумать, как наладить связь. Думаю, вы поймете, насколько ограничены наши силы. А пока скажу кратко: мы не способны поддерживать широкий фронт. Для форштадтцев массовый выход на поверхность означает смерть. Нам доступны только внезапные нападения и диверсии, уничтожение малых отрядов иномирян. Все, что мы можем, – продолжать их сдерживать здесь, в Форштадте.

– Но сможете ли вы продержаться, если сюда придут захватчики и из Блакории? – немного разочарованно спросил Люк. Он все равно надеялся, что помощь окажется более существенной. – Ведь, насколько мне известно, остатки блакорийской армии отступают в Рудлог, и вы остались без прикрытия с той стороны.

Дьерштелохт положил руку на стол, рядом с ладонью княгини, и словно невзначай коснулся ее мизинцем. Ее сиятельство слегка покраснела.

Люк невозмутимо подцепил серебряной вилочкой кусок яблочной начинки и поднес его ко рту. Ему хотелось верить, что в своих играх с Мариной он не выглядел со стороны таким же идиотом.

– Мы подготовили десятки минных полей вдоль границы, – проговорил барон, не отнимая руки. – Пока враги дойдут до Мьелнхольна, они потеряют множество людей. Им проще будет обойти нас через соседнее графство.

– Даже если они дойдут сюда, мы можем жить на уровнях годами, – поддержала его леди Диана. – Мы здесь защищенной, чем в самой лучшей крепости, герцог. Инсектоиды в штольни не пролезут, слишком узко для них. Да и на случай обнаружения иномирянами тайных проходов есть автоматические заслоны и магические ловушки.

– А если они победят и захватят Туру? – спросил Люк чуть шипяще. – Если они пришли навсегда? Подчинитесь им?

– Дармоншир! – остановил его барон глухим от ярости голосом.

Княгиня на миг опустила глаза, но тут же подняла их и, не таясь более, успокаивающе накрыла ладонь барона своей. Лицо ее от волнения покрылось красными пятнами.

– Что вы хотите услышать от меня, лорд Лукас? – спросила она, стараясь говорить твердо. – Вы же сами мне сказали, что гены не спрячешь, помните? Что, раз у меня за спиной Форштадт, ради него можно простить себе все: и хитрость, и подлость. Я дочь своего отца, вы это хотели услышать? Если иномиряне захватят мир, мне придется договариваться. И я постараюсь выторговать как можно больше жизней моих людей. Но, пока этого не произошло, мы будем очищать от врагов свою землю. И я, – она крепче сжала руку барона, – благодарю богов за то, что Альфред вернулся в Форштадт. Без него сопротивление было бы невозможно.

Да, мечтательная и тихая пианистка, когда-то готовая слепо поверить любому, кто отнесется к ней со вниманием и симпатией, осталась в прошлом.

– Простите, леди Диана. Я задал вопрос не для того, чтобы упрекнуть вас, – примиряюще проговорил Люк. – И вы, барон, не смотрите на меня волком, я не желал расстраивать ее сиятельство. Я сам часто спрашиваю себя о том, что делать, если мы проиграем, и не знаю ответа, кроме того, что нужно не допустить этого. Нужно загонять иномирян обратно в их мир. И то, что вы стоите волнорезом на пути у блакорийской армии иномирян и оттягиваете на себя часть их инляндских подразделений, уже много. Простите, – повторил он. – Я нашел здесь больше, чем мог надеяться. Ваши уровни меня действительно поразили.

Княгиня все еще обеспокоенно смотрела на него.

– Но я ведь могу рассчитывать, что вы никогда не используете это во вред Форштадту? – проговорила она настороженно. – И не будете распространяться о том, что увидели здесь, а остановитесь на известных всем сведениях про торговый уровень под столицей? Альфред привел вас сюда, значит, он за вас поручился, да и я знаю вас как человека доброго... но я больше не могу говорить только за себя. Я теперь ответственна за Форштадт и вынуждена взять с вас обещание молчать. Слишком много войн из-за чужой жадности мы пережили.

– Даю слово, что никто и никогда не узнает от меня о том, что система уровней куда больше торгового, – удивленно ответил Люк. – Но из-за чего вам опасаться меня, ваше сиятельство? Мои земли на другом конце Инляндии, и признаться, мне и их много. Это уж не говоря о том, что сейчас война и мы с вами союзники.

Княгиня печально покачала головой.

– Война закончится так или иначе, и если удастся изгнать иномирян, наступят совсем другие времена. И, возможно, вы уже будете смотреть на Форштадт не с герцогского трона, лорд Лукас. В Лаунвайте корона ждет сильнейшего по крови, а я на себе испытала, что власть меняет людей. А Форштадт на себе испытал, что значит быть маленьким княжеством во власти сильных государей.

Люк угрюмо попытался подцепить еще один кусочек яблока. Разговоры о короне его нервировали – ощущал он при этом какую-то обреченность.

– Я был в третьей сотне списка наследования, ваше сиятельство, – настойчиво сказал он, хотя понимал, что это отговорка для самоуспокоения. – А вот в ваших жилах течет кровь трех божественных домов. С Инландерами что вы, что Таммингтоны в куда более близком родстве, чем Дармонширы. Так почему вам стоит опасаться меня, а не мне – вас? Ваша кровь, полагаю, куда ближе к трону, чем моя.

Княгиня улыбнулась, чуть расслабившись.

– Потому что мои предки всегда меньше дорожили силой крови, чем деньгами, землями или верностью, герцог. Да, в моих предках Инландеры, Блакори, Гёттенхольды, но князья Форштадтские никогда не гнушались разбавить кровь, женившись на дочери влиятельного купца-простолюдина или выдав княжну за верного соратника, чья кровь менее сильна, чем ее, но который был бы хорошим князем. Но даже не в этом дело. Не забывайте, что я была женой одного из Инландеров и несколько раз видела Луциуса в обороте. Если вы единственный, кто может сейчас оборачиваться в родовую форму Белых королей, то очевидно, кого выберет корона.

Она почти в точности повторила слова царицы Иппоталии, которые та сказала ему, когда он прилетал за помощью, и Люк поморщился.

– А как дела у Таммингтона, вам неизвестно? – сменил он тему, раскрошив пирог почти в труху. – Как продержались вы, я понял, а о лорде Роберте знаю только то, что он тоже успешно организовал оборону. Мы первое время общались с помощью листоватов по морю, но когда иномиряне захватили побережье, пришлось это прекратить.

– В Блатории Таммингтон иногда называют Эльдорфенштáпф, Нефтяным Болотом, – ответил вместо княгини Дьерштелохт. – Вот и весь секрет. В нем больше болот, чем даже где-либо в Блатории, и местные прекрасно эти болота знают, а враги – нет. Автомобильная дорога туда идет только одна, и всех, ступивших на нее, легко расстреливать из леса и уходить по кочкам. Когда мы общались с герцогом Таммингтоном, он говорил, что они подожгли торф для снижения видимости, а против раньеров используют нефтяные самодельные коктейли. Но последние недели связи у нас нет, и что там творится, мы не знаем.

– Я постараюсь передать вам весточку о нем через Рудлог, – пообещал Люк. Посмотрел на останки пирога с сожалением, допил чай. – Благодарю за обед, ваше сиятельство, но, увы, приходится торопиться. Простите, я надеюсь, у нас после окончания войны будет достаточно времени на приятное общение.

– Я все понимаю, – улыбнулась княгиня. Поднялась, встали и мужчины. – Альфред, оставь нас на пару слов, – попросила она.

Барон чуть склонил голову.

– Я прикажу командирам отрядов собраться в комендатуре, – проговорил он, предупреждая взглянув на Люка, и вышел.

Диана проводила его слабой улыбкой. Подошла к окну, сжала руки. Видно было, что она волнуется.

Люк выжидательно молчал.

– Я хотела отдельно поблагодарить вас за ваши советы, герцог, – сказала она, разглядывая кипящую на подземной улице жизнь. – Тогда, зимой, вы напомнили мне, кто я есть. Как видите, – княгиня, обернувшись, бросила взгляд на захлопнувшуюся дверь, – я продолжаю им следовать. На днях в Форштадте появится новый князь. Мы поженимся. Люди знают Альфреда и примут его.

– Вы счастливы, княгиня? – мягко осведомился Люк. Он с прошлой встречи питал к Диане симпатию, как к любому беззащитному существу, и, хотя роль поверенного в сердечных делах его в равной степени смущала и веселила, он бы ни за что ей не показал этого.

– Конечно, – без сомнения откликнулась она, снова глядя в окно. – Альфред мог уйти в Рудлог и отсидеться там в безопасности. Он служил моему мужу, а не мне, и после смерти Лоуренса его ничего не связывало с Форштадтом. Но он пришел защищать меня. Ничего не требуя взамен. Если бы не он, сопротивления долго бы не было, мы бы прятались тут, как мыши, пока иномиряне грабят наши дома. Вы спрашиваете, счастлива ли я? Конечно, – повторила она. – Несмотря на войну. Впервые рядом со мной мужчина, который смотрит на меня так, будто прекраснее ничего нет на Туре.

– Это хорошо, – настороженно пробормотал герцог, не ожидавший настолько глубокого погружения в чужие отношения.

– И раньше, при Лоуренсе, он всегда помогал мне, – продолжала княгиня чуть печально. – Уводил мужа, когда тот начинал говорить... всякое. Держал его от меня подальше. Мы редко оставались наедине, а когда и оставались, Альфред больше молчал. Я замечала его взгляды, но считала, придумываю себе... мне так хотелось, чтобы кто-то полюбил меня, но я не верила, что это может случиться. А однажды я увидела, как он остановился под окном и слушал, как я играю... и потом, уже здесь, он объяснился... – она словно очнулась, вскинув голову, покосилась через плечо. – Вам, наверное, все это кажется ужасно смешным и глупым, герцог?

– Раньше бы показалось, – честно признался Люк. – Но не сейчас, нет. Так зачем вы мне это рассказываете, Диана?

Она помолчала.

– Я понимаю, что отнимаю ваше время. Простите, лорд Лукас. Но у меня нет ни матери, ни подруг. Мне не у кого спросить совета, а вы уже один раз помогли мне. Возможно, мне нужно ваше благословение, герцог. Я полюбила Альфреда, полюбила всей душой, уже здесь, во время войны. Но я всю жизнь находилась во власти мужчин, которые воспринимали меня как пустое место. Лоуренс, отец, король Луциус... Я привита от излишней доверчивости. И мне больно от того, что я думаю: действительно ли я нужна ему, или ему нужна власть? Пришел ли он сюда за мной или за княжеской короной? Я не хочу об этом думать, но думаю!

– Это лишь показывает, что вы повзрослели, – усмехнулся Дармоншир. Он впервые ощутил себя в роли наставника и до ужаса сочувствовал Луциусу. – Несколько месяцами ранее вы доверились безоговорочно мне, хотя знали всего несколько дней. А ведь как раз мне не стоило доверять. Я хотел использовать вас, Диана.

Княгиня вновь повернулась и расстроено смотрела на него.

– Вы уверены, что вам действительно нужно хоть чье-либо благословение? – нехотя поинтересовался Люк. – Мне казалось, здесь я увидел человека, который способен взять любую ответственность на себя.

– Возможно, я не способна, – горько проговорила леди Диана, рассматривая кольцо – видимо, помолвочное. – Просто музицировать и плыть по течению куда проще, лорд Лукас.

– В этом мы с вами похожи, – пробормотал Люк, и сочувствуя собеседнице, и уже начиная тяготиться этим разговором. Он привык двигаться и сейчас ощущал себя словно зависшим в киселе. Нужно было выбираться на воздух. – Диана, – продолжил он нетерпеливо, – вы ведь спрашиваете меня не о том, любит ли вас барон. А о том, как перестать сомневаться в тех, кто рядом. Ответ – никак. Мужчины иногда, со временем, действительно начинают любить власть больше своих женщин. Но вы можете подстраховаться. Не давайте мужу власти больше, чем оставите себе. Всегда имейте рядом верных людей помимо него.

– Но если бы Альфред хотел власти, – вдруг задумчиво проговорила княгиня, – он легко бы мог взять ее при Лоуренсе, просто встав за его спиной. Муж был вечно пьян и был бы только рад, если бы кто-то снял с него даже те нехитрые обязанности, от выполнения которых он не мог уклониться.

– Вот видите, – галантно похвалил Люк, – вы сами себе ответили на все вопросы. Ответьте мне еще на один.

– Да, герцог?

– Кто кому сделал предложение?

Она почти торжествующе подняла подбородок.

– Я ему, лорд Лукас. Он ни намеком не пытался меня подтолкнуть к этому.

– Тогда зачем был нужен вам я и этот разговор? – усмехнулся Люк.

Княгиня качнула головой. Глаза ее блеснули, будто она решила сложнейшую задачу.

– Не скажите, герцог. Как жаль, что раньше рядом со мной не было кого-то такого же, как вы.

– Поверьте, вам, наоборот, повезло, – заверил Люк совершенно искренне.

С княгиней они распрощались как добрые друзья, хотя его светлость и уносил в душе знатную толику изумления от роли дуэньи. И после совещания и договоренностей барон Альфред, проводив Люка на поверхность уже через другой выход, куда дальше от города, на прощание вдруг крепко пожал ему руку и нехотя проговорил:

– Спасибо.

– Прислушивали? – догадался его светлость весело.

Дьерштелохт хмыкнул и крепче стиснул ему руку.

До герцогства Таммингтон Люк долетел уже к закату, мрачно размышляя, что если общение с лордом Робертом так же затянется, то к Марине он вернется только утром. А завтра уже нужно присоединиться к дармонширским войскам, самое позднее – послезавтра, и то, нужно согласовать это с Майлзом...

Но никакого общения с милейшим герцогом не вышло. Сначала в сумерках Люк увидел пустые сгоревшие деревни и дымящиеся торфяники, затем, издалека – гигантский столб дыма у моря, и понесся быстрее, словно мог успеть предотвратить беду.

Замок Таммингтона, расположенный на скалистом берегу, который выдавался из болот в море, был цел. И в темноте казался живым, шевелящимся из-за десятков облепивших его раньяров.

Герцогство Таммингтон пало.

На площади перед замком горел гигантский костер, сложенный из странных кривых деревьев. Сильно воняло паленым мясом, кровью, муравьиной кислотой, давнишним человеческим потом. Вокруг суетились сотни, а то и тысячи иномирян: кто-топил, кто-то справлял нужду, кто-то спал у стен, кто-то следил, как инсектоиды в наспех сколоченном огромном загоне за дворцом, прямо на клумбах и розарии, жрут тела людей. Трупов там было очень много, так много, что сотни охонгов равнодушно и сыто лежали на противоположном конце загона, да и раньяры, облепившие дворец, не дергались из-за кровавой вони.

Из дворца сплошным потоком выносили вещи, драгоценности, складывали в повозки. Вынесли и несколько тел, судя по одежде – слуг и бойцов, но потащили не к инсектоидам – к костру.

И Люк, замерев над огнем, понял, что странные скрюченные головешки – это трупы, переложенные деревом, разбитой мебелью, дверями. Многие десятки трупов.

Сердце кольнуло, заболело. Змей, зашипев от совершенно черной ярости, сожаления, от невыносимого чувства вины: ведь если бы полетел сначала сюда, мог бы успеть, мог бы помочь! – сам не заметил, как обернулся ветром. И, нырнув в распахнутые двери, пронесся, сметая все на пути, по залитым кровью коридорам, этажам, покоям дворца Таммингтона.

Живых, кроме иномирян, внутри не оказалось. Останки лорда Таммингтона, по всей видимости, либо догорали в костре, либо были отправлены на корм инсектоидам.

Люк вырвался из дворца, выбив крышу изнутри, завыл, заорал от злости, закружил, набирая невиданную мощь, и в течение получаса, не ощущая ничего, не щадя никого, крушил и сминал все вокруг, ломая иномирян, инсектоидов, деревья, смешивая их с землей, пылающими угольями костра и трупами побежденных таммингтонцев. Он бесился бы и дальше, если бы поток, в который он превратился, не снесло вдруг огромным воздушным тараном, перебросив и через замок, и через скалистый мыс прямо в холодное апрельское море.

Черная вода остудила его, заставив собраться в змеиную форму, поглотила, потянула ко дну, поднимающемуся навстречу острыми скалами. Благо, было неглубоко, и Люк, оттолкнувшись от скользких камней, некоторое время приходил в себя, перевернувшись животом вверх и глядя сквозь толщу воды в серо-алое небо, где завис змееветер с сияющими глазами.

Люк был совершенно опустошен и выжат. Ему казалось, что он весь пропитался кровью, гарью и муравьиной кислотой.

Он вяло шевельнул лапами и всплыл на поверхность. Попытался взлететь, но тело было слабым, крылья не слушались, да и мысли текли неохотно, словно он засыпал. Хотя почему «словно»?

– Не с-с-с-спатьс-с-с! Иначес-с-с неделюс-с-с прос-с-спиш-ш-шь! – рывкнул на него змеедух, пребывающий, кажется, в сильнейшем раздражении.

Он текуче сделал петлю в воздухе, рванул куда-то на глубину и, пометавшись над морем – в сумерках на фоне заката это выглядело так, будто небо расчертило перламутровыми полосами, – ударил всей массой по поверхности воды где-то в километре от Люка, так, что получился гулкий «бом-м-м-м» и столб воды в полнеба, словно после гигантского взрыва.

У Люка загудело в голове. Он только успел увидеть через минутку, как стихийный дух что-то подхватывает с поверхности воды, когда волны, поднявшиеся от удара, развернули змея и понесли к берегу, где он и застрял на отмели. Повздыхал и, старательно помогая себе хвостом, потихоньку вылез на мелководье так, что морда оказалась на мокрой гальке. Острые скалы под водой кололи брюхо, остаточные волны от удара то и дело заливали морду по самую змеиную макушку, но дальше он при всем желании двинуться не мог.

Замок Таммингтон чернел среди переломанного леса. Оттуда не доносилось ни звука: ни человеческого голоса, ни визжания инсектоида, и Люк, переждав волнение, прислушался и принялся, испытывая тяжелое удовлетворение, смешанное с отвращением и к себе, и к тем, кого он убил. В его вспышке не было смысла, но он вновь не смог справиться с собой: погибших не воскресить, урон нанесен пусть и существенный, но стратегически малозначимый – эти отряды иномирян для Дармоншира пока не представляли опасности. А вот то, что он сейчас заснет и опять подведет всех – представляет. И то, что его огромный соратник потихоньку, по капле иссыкает, выручая его после глупостей, хотя силы стихийного помощника нужны будут в боях...

Со стороны моря раздался гул и странное шлепанье по воде, будто шел крупный дождь. Люк и хотел повернуть башку, да не смог. Поднял смыкающиеся глаза вверх – над ним рассеивался змеедух, обернувшийся смерчем, и перед герцогом с влажными шлепками начали падать крупные рыбины, тысячи оглушенных и неподвижных рыб, погребая его морду под собой. Видимо, огромный помощник захватил в море целый косяк сардин.

Люк изумленно открыл клюв – но туда завалилась пара тонн рыбы, заставляя судорожно сглотнуть, и дальше змей только ел, ворочая головой влево-вправо и хватая пищу вместе с галькой и морской водой, ел, пока не смог пошевелиться, а затем и встать на лапы. С едой возвращалась сила, и пусть горячая кровь была желанней, а герцогу все еще чудовищно хотелось спать, но теперь он хотя бы мог долететь до небесных потоков стихии и подпитаться там, а значит, продержится и до Дармоншира.

Люк плеснул хвостом – остатки рыбы унесло в море – и задрал голову. Змеедух сердито реял над ним, напоминая мать-орлицу, кормящую непутового птенца.

«С-с-спасибо, – прошипел его светлость с огромной признательностью. Сонливость никуда не ушла, но притаилась где-то под затылком, выжидая, когда сможет взять свое. – За все. Я опять не с-с-справился».

– Ты научишься, – пообещал ему змеевеетер снисходительно и слегка укоризненно. – Жаль, что нетсс твоего учителясс в живых, он многое не успел тебе объяссснить. А я не человек и во многом не знаю, как тебясс учить. Но, – добавил он величественно, – я пригляжуссс за тобой, ссссколько сссмогу. Полетели, змеенышшшшш, в твое гнезссдоссс. Погреешшшься о красссную женуссс и поссскореее восссановишшшься.

Люк вспомнил о Марине и нетерпеливо переступил передними лапами – так ему захотелось побыстрее к ней, под бок, в ее тепло. Так захотелось, что он замотал башкой и клацнул клювом, только чтобы унять желание тут же лететь в Дармоншир.

«Нет, – он махнул крыльями и поднялся, – сначала я ос-с-смотрю тут все. Вдруг Таммингтон где-то прячется? Я же увижу его ауру?»

– Дассс, – ехидно ответил змеедух, – и лучшшше бы ты об этом подумал до сссрыва в ураганссс. Но тут нетсс твоего собрата, змеенышшшшш. Я никого из Белых не чувствую вокруг. Лети в гнездоссс.

Люк медленно, с усилием взмыл в воздух и начал подниматься к небесным потокам, которые должны были его подпитать. Вниз, на владения Таммингтона он старался не смотреть. Ему было тяжело.

Ведь так же, как замок лорда Роберта, мог бы выглядеть и Вейн, если бы не драконы и Марина с ее огненными птицами. В костре у Вейна могли гореть тела Берни, Леймина, Ирвинса, врачей, бойцов, слуг. Его дом был бы разорен и сожжен, а судьба женщин оказалась бы такой же, как судьба сотен захваченных аристократок. Насилие, рабство или смерть.

И, конечно, он расслабился рядом с Мариной и почти забыл о войне, хотя его, Люка, солдаты уже месяц грязь и терпят походную жизнь, наступая к укреплениям Ренх-сата, и делают это для того, чтобы война не пришла снова к фортам. И к Вейну. С ними идут и берманы, и крошечный, ополовиненный в боях отряд серенитских стрелков под командованием майора Лариди. Идет вдоль берега Инляндии эмиратский флот, готовый высадить несколько тысяч бойцов и поддержать огнем с моря. И Берни уже присоединился к отряду своего форта.

Поэтому змей сейчас, как бы ему ни хотелось спать, не полетит к Марине, а заглянет сначала к Майлзу. Командующий должен знать, что иномирян теперь ничего не сдерживает с севера, кроме подпольного и точечного сопротивления Форштадта.

И только потом Люк полетит в Вейн, к жене. Чтобы попрощаться с ней и с родными.

Глава 3

Вечер того же дня, Марина

Мы ужинали в тесном семейном кругу: я, леди Лотта и Маргарета. Берни, поправившись, отбыл в армию, хотя мы и просили его остаться, пока Люк здесь.

– Я не хочу пользоваться своим именем, – упорно отвечал Кембригч-младший на все наши уговоры.

Не уговаривал Бернарда только Люк – он, хлопнув его по плечу, попросил не попасться под лапу инсектоида хотя бы пару дней, пока старшего брата не будет рядом, и они оба захотали под нашими укоризненными взорами.

Мужчины иногда – совершенно бесчувственные чурбаны. И юмор у них дурацкий.

Люк обещал вернуться к ночи и просил не ждать его на ужин. Солнце еще только клонилось к закату, но я все равно то и дело бросала взгляды в окно. День был жарким, окна – распахнутыми, и мне очень хотелось, чтобы над морем мелькнул силуэт моего змея.

Потому что каждый раз, когда он улетал, я места себе не находила от тревоги. И не представляла, как выживу, когда он снова вернется в армию.

Леди Шарлотта и Рита тоже поворачивались к окну, и поэтому разговор не клеился. Хотя я очень старалась их приободрить и рассказывала, как прошел вчерашний полет Люка в Виндерс.

Муж слетал своими глазами увидеть, как дела в столице герцогства, встретиться с высшими чинами, в том числе с Майки Доулсоном. Вернувшись поздно вечером и ополаскиваясь в душе, Люк с иронией сообщил, что в Майки, оказывается, скрывался тиран и государственный деятель.

Я слушала хриловатый голос супруга, прислонившись к стене и глядя на его сухощавое тело, по которому текла пена, на кривую улыбку и странные светлые глаза, к которым никак не могла привыкнуть. Приходилось делать усилие, чтобы понимать, о чем он говорит.

– Майки навел такого страха на местных дворян, из тех, кто еще не сбежал в Рудлог или Пески, что там теперь тишь да гладь, – говорил Люк, отфыркиваясь. – Все озаботились благотворительностью: кто обеды горячие предоставляет, кто больницам помогает. Бывший мэр и несколько десятков поделщиков сидят в тюрьме, так Майки и их пристроил к делу: когда прошла информация, что я жив, пообещал замолвить передо мной слово, если добровольно, без расследований, сдадут тайные счета и недвижимость. Не знаю, все ли сдали, но казна пополнилась значительно. Сейчас сидят по камерам и сортируют пайки для бедных. – Он смыл пену с головы, на которой уже стала пробиваться черная щетина, и попросил нетерпеливо: – Детка, иди уже ко мне.

О последнем я, разумеется, на ужине умолчала, хотя вряд ли для родных оставалось секретом, чем мы занимаемся ночами. Полагаю, из-за теплого апреля и открытых окон весь замок был в курсе. Мы с Люком очень старались следовать завету доктора Кастера «без фанатизма», но фанатизм этот заглушить было крайне сложно.

– Мы же с тобой разумные люди, – пробормотал муж вчера, когда мы лежали, обнявшись, и наши разгоряченные тела овеивали воздух из окон.

– С каких это пор? – удивилась я и пощекотала его ниже пупка. Он тяжело задышал, укоризненно взглянул на меня – и я засмеялась. И улыбалась все то время, пока Люк, уже распалившись, целовал мое тело, спускаясь все ниже.

Так безмятежна и счастлива я была только в Эмиратах, когда мы могли любить друг друга, не думая ни о чем. Хотя нет, сейчас все было острее и иначе. Эти дни, несмотря на войну вокруг, стали для нас настоящим медовым месяцем. И не только из-за секса. Пару раз мы так

выматывались днем, что подушка становилась милее всего на свете, но спать рядом было не меньшим удовольствием, чем заниматься любовью.

Прохладные, словно мятные, волны от брачного браслета теперь ощущались постоянно: видимо, артефакт от нашего с Люком сближения заработал вовсю, и заставил меня забыть и о токсикозе, и о слабости. Только живот, казалось, становился больше с каждым днем, но у меня нигде не болело, не тянуло, и чувствовала я себя лучше, чем до беременности.

– Люк сказал, что застал Майки в нашем доме, в Виндерсе, – сказала я рассеянно леди Лотте и Рите, снова бросив взгляд в окно. – И что бедняга Доулсон-младший чуть в обморок от счастья не упал, когда увидел его. Ну, или от смущения. Майки навещает детей Софи.

– Тебя это тревожит? – деликатно поинтересовалась леди Шарлотта.

Я пожала плечами, задумавшись.

– Нет, забавно просто.

– Он в нее втрескался, – сообщила Рита, – и так пытается ухаживать. Вот увидишь, она еще станет женой мэра Виндерса!

– И Виндерс этого вполне заслуживает, – проворчала я с иронией, представляя, как будут воротить носы тамошние аристократки от бывшей содержанки. – В любом случае, дело благое. Майки умница, я не прогадала, когда просила его заняться делами столицы.

– Умница, – согласилась свекровь. – Я поняла, что из него будет толк, еще когда он мне помогал организовывать первый герцогский бал Люка.

Мы болтали, а солнце клонилось к горизонту, и чем ниже оно опускалось, тем сильнее росла во мне тревога. Люк сказал «вернись к ночи». До ночи было еще часа три, и, хотя он все это время прилетал очень поздно, я к концу каждого дня сходила с ума: слишком свежи еще были воспоминания о сгоревшем листовете, похоронах и бесцветной жизни после. Поэтому я попросила доктора Кастера ставить меня вечерами на процедуры, чтобы некогда было паниковать.

За окном раздались голоса, хлопанье дверей, и мы насторожились. Я подбежала к подоконнику, выглянула – на улицу спешно выносили носилки, выходили санитары. Неужели где-то уже начались бои?

Над лесом на фоне темного моря появился листолет, за ним еще один: большие, боевые, выкрашенные в оранжевые эмиратские цвета.

Мы переглянулись и, не говоря ни слова, бросились вниз.

По лестнице, обгоняя нас, в лазарет спускались драконы. Листолеты, приземлившись на поляну перед замком, открыли двери, вытянули трапы. К ним уже подбежали санитары с носилками – и начали выносить раненых, много раненых. На сортировку у обоих трапов встали наши виталисты, определяя характер ранений и срочность операций, рядом с ними медсестры заполняли карточки. Леди Лотта осталась у входа, а мы с Ритой, подбежав к листоletам, перехватили заполнение диагнозов: в операционных медсестры были нужнее, а меня доктор Кастер больше помогать не допускал.

– Откуда они? – спросила я у Росса, записав за ним результаты сканирования и прикрепляя листок к изголовью носилок. «Ожоги, перелом, огнестрельное ранение». Боец был в стазисе, и санитары аккуратно понесли его к Вейну.

Ольвер не ответил, вытянув руки к следующему: тоже в стазисе, молодой, но со страшными ожогами на лице, с маленькими стеклышками, торчащими из щеки под глазом, с вывернутой ногой. Я приготовилась записывать, когда из-за спины раздался изумленный возглас Риты. Оглянулась – она шагах в двадцати от нас, у трапа второго листолета прикрепляла карточку к изголовью своего пациента, да так и застыла, глядя на бойца, лежащего передо мной.

– Это же герцог Таммингтон! – крикнула она мне. – Таммингтон!

– Проникающая рана живота, сотрясение мозга... – говорил Росс, и я поспешно стала записывать, то косясь на молодого герцога, то оглядываясь на Риту. Она продолжала работать, но видно было, что прислушивается к нам изо всех сил и что ей хочется поменяться со мной местами.

– Роговицы обоих глаз и веки повреждены осколками стекла или пластика, ожог кожи лица и рук...

Таммингтон. Туда сегодня должен был добраться Люк. Страх бил по телу, сердце кололось, сорвавшись в пляс, и я, заполняя карточку, поглядывала в большой трюм листоледа – там, вокруг лежащих на полу раненых, тоже суетились санитары и помогающие им военные в форме объединенной эмиратской армии.

Расспрашивать не время. Потом. Потом.

Герцога унесли, а наш конвейер продолжал работать. Среди раненых было и несколько женщин, молодых и пожилых, не военных, но в основном из листоледа появлялись мужчины. Кого-то из раненых выводили – этих можно было осмотреть позже, – кого-то грузили на носилки. Часть тяжелых находились в стазисе.

Мимо, успев улыбнуться мне и придерживая на плече сложенные носилки, скользнула в трюм Таисия, жена Энтери. Я, продолжая записывать, снова взглянула в потемневшее небо.

«Люк ведь должен был сначала лететь в Форштадт. И говорил, что попадет в Таммингтон самое раннее после обеда. А от герцогства до Дармоншира даже на листолете не меньше восьми часов... нет, больше, больше! Значит... значит... если он добрался до Таммингтона, герцога он в любом случае не застал...»

Мысли сбивались, и я сосредоточилась на работе, загоняя панику внутрь. Подошел Леймин с несколькими своими сотрудниками – они о чем-то беседовали с эмиратскими офицерами. Я улавливала только обрывки разговора – не до подслушивания было. Подходила и леди Лотта, предложив эмиратцам ужин: главный согласился, но решил подождать, когда закончится передача раненых. А пока попросил принести воды для мытья полов и антисептик.

Солнце село окончательно, с моря в темноте подул ветерок, охлаждая наши разгоряченные лица, и командиры листолетов приказали включить посадочные фары, чтобы мы могли продолжать работу.

Лежачие и тяжело раненые закончились, пришел черед легких. На втором этаже уже сияли окна операционных: отсюда можно было разглядеть только высоких драконов, ассистирующих нашим хирургам как виталисты. С первого этажа слышался шум, голоса: несложных раненых нужно было разместить, накормить, вымыть, обработать порезы, ожоги и ушибы.

– Последний! – гулко крикнул один из наших санитаров из большого трюма, выводя пожилого и крупного сержанта, который шагал грузно, но довольно уверенно. За их спинами эмиратцы вымывали трюм от крови, обрабатывали лавки антисептиком.

– Ожог кистей рук второй степени, обезвоживание, прединфарктное состояние... сердце я успокоил, но нужна терапия... – Росс говорил медленно: лицо его было бледным, глаза покрасневшими. Шутка ли – тридцать семь сканирований за... я, дописав карточку, приколола ее к кителю пациента и поглядела на часы. Полтора часа прошло. Всего полтора часа.

– Благодарю, – сержант с облегчением потянулся обожженной ладонью к сердцу, но тут же поморщился, опустил ее.

– Сейчас вам обработают руки, – пообещал виталист и взглянул на меня. – Ему бы сразу под капельницу. Регидрация, глюкоза...

Я посмотрела в небо, оглянулась к Рите – она еще заполняла карточки, и в ее листолете, по всей видимости, раненых было больше, чем у нас, – и кивнула.

– Я сейчас сама все сделаю, Росс. Отдохни.

В холле было шумно и суетно: процедурные были все заняты, поэтому легкие раны обрабатывались прямо здесь, внизу. Большинство старых пациентов были уже выписаны, инвентарь

спрятан за ненадобностью, и теперь санитары вывозили из кладовых стойки под капельницы, тележки для лекарств и перевязочных материалов, медсестры разбирали уж несколько дней как не открывавшийся запасной шкафчик с медикаментами. Из кухни слышалось звяканье кастрюль: повара спешно готовили на почти восемь десятков новых пациентов.

Сержант, которому я, срезав китель и рубашку, оберла торс махровой рукавицей, смачивая ее в тазу с теплой водой, а кисти обработала спреем, уже лежал на застеленной клеенкой койке с капельницей для регидрации и восстановления сердечной деятельности. Я, освободив подопечного от ботинок и аккуратно накиннув длинную и свободную медицинскую рубаху, осторожно поинтересовалась, как таммингтонцы оказались на бортах эмиратских листов. И не встретили ли они где-нибудь моего мужа, герцога Дармоншира: он должен был сегодня навестить герцога Таммингтона.

– Нет, госпожа герцогиня, – степенно и чуть сонно отвечал военный, – да мы и не могли его встретить, выходит. Мы ведь из замка отступили еще вчера ночью, через подземный ход, когда иномиряне захватили столицу, перемололи наши отряды и прорвались к нам. И, стыдно сказать, но благо, что герцог наш на тот момент уже без сознания был, иначе не разрешил бы бежать, и всех нас там бы вырезали. Лорду Роберту ведь еще два дня назад на болоте одна из этих тварей летучих ногу раздробила. Еле отбили, стрекозу сожгли, дотянули его светлость до замка. Уже тогда просили его отступить, а он ни в какую – приказал обезболить переломы и до последнего готовил оборону. Ждал, что наши отряды в болотах иномирян как раньше потопят. Не потопили, видишь ты... через день уже к нам враги вышли, а за ними и рой налетел.

Он завздыхал, и я, раскрыв ширму, заслоняющую койку от соседей, принялась срезать с него брюки и белье под рубахой. Нужно было провести обработку тела целиком, пока нет возможности полноценно вымыть.

– Да куда уж сами-то, госпожа, – запротестовал сержант, приподнимаясь на локтях.

– Спокойно, – сказала я, аккуратно, но настойчиво укладывая его обратно, – я, знаете, сколько таких бойцов, как вы, изнутри во время операций видела? Думаете, после потрохов меня можно чем-то смутить? Полежите, потерпите, не маленький. Если все хорошо пойдет, завтра уже полноценно и самостоятельно сможете принять душ.

Он снова завздыхал, но к тому времени, когда я вернулась с тазом, сменив воду, видимо, смирился. Но поглядывал мученически.

– А ожоги у герцога откуда? – чтобы отвлечь, спросила я, продолжая процедуру.

– Так вчера ведь, – ответил он, – когда оборонялись уже в замке, в руках лорда Роберта горючий коктейль взорвался. Ровно когда герцог, лежа на лестничной площадке, сверху врагов ими забрасывал. Хорошо, маг с нами был, быстро потушили. Вот, – он пошевелил кистями, – это я рядом был, сбить огонь попытался. Но нефть ведь так не потушишь, она и на коже горит, и на одежде. Благо, у лорда броня была надета. Обгорел, сознание потерял, но еще дышал, а враги уже по лестнице поднимались. Так маг наш щит поставил, и пока его ломали, мы, те, кто еще ногами своими идти могли, и герцога, и других раненых на себе по тайной лестнице в подземный ход спустили. Мертвым-то все равно, а живых как оставлять зверям этим? – лицо его исказилось то ли от боли, то ли от горя.

Я насухо вытерла ноги, и аккуратно вытянула из-под пациента клеенку. Сложила, укрыла его одеялом. Сделав отметку в карточке в изголовье кровати, поднесла ко рту сержанта поильник, и он некоторое время пил, с благодарностью глядя на меня. Вокруг, за ширмами так же хлопотали другие медсестры и санперсонал, слышался стук тарелок и кастрюль: помощники поваров раздавали еду. Тихий последние дни холл снова превратился в огромный лазарет.

– Кого смогли, вытащили, – продолжил он рассказывать, пока я складывала клеенку и рукавицу в дезраствор и готовила несколько уколов, – до моря в темноте прошли, а там на припрятанных рыбацких лодках и отплыли. Помогли, видно, нам Матушка-Вода и Отец-Инлий: луну тучами скрыло, море штормило – не слышны были моторы. А в километре от берега

давно на случай отступления было приготовлено рыболовецкое судно. Погрузились мы в него, как кильки в бочку, и пошли в сторону Маль-Серены. Герцога нашего маг держал поначалу, на стазис уж сил не хватило, но часов через шесть сам без сил упал. Так мы шли подальше от инляндского берега, чтобы твари эти нас летучие не заметили, к рассвету уж и широту Лаунвайта прошли, к полудню и Маль-Серену вдаль увидели, и тут его светлость давай помирать. И так ведь долго продержался, Инлиева кровь-то держала! Мы ведь за ночь пятерых в море проводили: не дотянули они. Думали, и герцога придется Матушке отдавать.

К нам с тележкой, в которую были вставлены две огромные кастрюли, подошла Софи: она сегодня помогала на кухне. В одной из кастрюль оказался сладкий чай, в другой – овсяная каша, щедро сдобренная маслом: самое быстрое, что успели сделать повара. Но, судя по тому, как заблестели глаза сержанта при виде полной тарелки, опустившейся на столик, каша и пара ломтей хлеба с сыром показались ему самой желанной пищей.

Софи, оставив ложку и большую кружку с чаем, пошла дальше, а я помогла служивому сесть и принялась его кормить. Он ел неспешно, успевая говорить между ложками.

– И тут часа в два дня подлетел к нам листолет эмиратский. Мы не испугались, знали, что армия-то ваша, дармонширская, наступает, а они вдоль берега армадой идут и море патрулируют, – он отхлебнул чая, который я поднесла к его губам и продолжил. – Так и заметили нас. Вызвали еще один листолет с магами. Пока те прибыли, пока тяжелых раненых в стазис отправили, пока перегрузились мы с судна, так дело к вечеру пошло. Эмиратцы связались с вашим командованием, доложили обстановку и понесли к вам в Вейн, так как он ближе, чем Маль-Серена. Вот так-то, госпожа герцогиня, вот так... – он, доев, сдержал зевок, посмотрел просительно, – а что же лорд Роберт? Жив будет? Я ведь еще у матушки его в охране служил...

– Верю, что будет, – я поднялась, составив грязную посуду на поднос, проверила капельницу, чуть подкрутила ее. Любопытство мое было удовлетворено, а на сердце стало чуть спокойнее: даже если Люк прилетел в Таммингтон, уже занятый иномирными, он хотя бы не попал в гуцу боев.

– Спасибо за рассказ, сержант, – проговорила я. – Отдыхайте. Как освободится кто-то из виталистов, вам ускорят заживление ожогов. А пока, – я придвинула ширму ближе, – постарайтесь заснуть.

Работа продолжалась. Пока обработали последние раны, пока выдали белье и средства гигиены, накормили всех и напоили, часы пробили час ночи.

Люка все не было. В операционных шла работа: я знала, что и доктор Лео, и доктор Амадея будут оперировать, пока держатся на ногах, хотя сейчас, благодаря стазису, можно было откладывать операции на следующие дни. Рита помогала на втором этаже в одной из процедурных, леди Шарлотта устроила ужин в большой столовой для эмиратцев. Как хозяйка замка я была обязана их поприветствовать и поэтому между процедурами зашла в столовую высказать благодарность, извиниться, что не могу присоединиться к ужину, и предложить остаться в Вейне до утра.

Эмиратский командир, подтянутый, щеголеватый, с лихо закрученными усами и смуглой кожей, долго и витиевато отвечал мне, благодаря за радушие и помощь, выказывал восхищение и крайне сокрушался, что не может принять приглашение и обязан лететь. К концу речи я успела устать больше, чем после приемки раненых, и поспешно удалилась, как только представилась возможность.

К слову сказать, с Леймином и своими офицерами командир разговаривал вполне себе скупно и по-военному кратко. Видимо, велеречивость он приберегал для особенных случаев.

В три ночи замок наконец-то затих. Улетели эмиратские листолеты, заснули спасенные, погасли огни в операционных. Ушли спать и хирурги, и виталисты; лишь двое драконов да несколько санитарок остались на дежурстве.

Осталась на втором этаже и Рита.

– Надо же кому-то еще дежурить, – объяснила она мне и леди Лотте сердитым шепотом, поглядывая на двери реанимационной палаты, в которой лежал молодой герцог.

– Конечно, надо, – ласково согласилась свекровь, даже не улыбнувшись. Я бы улыбнулась, но слишком измотанной была, поэтому мы просто пожелали Маргарете спокойной ночи и под руку побрели к лестнице.

Люка не было, и не только Рите предстояло не спать этой ночью.

Когда мы уже прошли третий этаж, в кармане у меня завибрировал телефон, и мы со свекровью вздрогнули – таким громким в гулкой тишине широкой лестницы показался этот звук. Звонил Леймин.

– Моя госпожа, – проскрипел он в трубку, – извините, что беспокою вас, но мне доложили, что вы еще не спите, иначе я бы не посмел...

– Да, Жак, – устало ответила я, – что случилось?

– Ничего плохого, – тут же успокоил он. – Нам пришла радиограмма из ставки нашей армии, ваша светлость. Лорд Дармоншир сейчас там и просил сообщить в Вейн, что с ним все в порядке и ему пришлось задержаться, но он прилетит к утру. Мы в ответ доложили про прибытие раненых из Таммингтона.

Мы с леди Лоттой стояли на лестнице, вслушиваясь в телефон, держась в сумраке за руки, и улыбались, глядя друг на друга. На лице ее было такое же бесконечное облегчение, какое испытывала я сама.

– Спасибо, Жак, – сказала я. – Вы правильно сделали, что позвонили. Спасибо.

Засыпалось мне плохо: сказывались усталость и тревоги прошедшего вечера. Я оставила гореть ночник у кровати и ворочалась в полудреме, то проваливаясь в сон, то почти просыпаясь и ожидая, когда же за раскрытыми окнами зашумит ветер.

Казалось, прошла вечность, когда я наконец-то услышала знакомый гул и, не в силах проснуться, повернулась к окну, кутаясь в одеяло. Глаза удалось разлепить на мгновение, и я увидела, как трепещут, поднявшись почти к потолку, занавески.

Когда я смогла открыть глаза в следующий раз, рядом с кроватью стоял Люк. Неуловимо изменившийся, серьезный, выглядевший совершенно измотанным, он медленно, вяло растегивал рубашку, глядя на меня. От него пахло озоном и морской водой.

Муж кое-как справился с рубашкой, бросив ее на пол. Судя по стуку, скинул ботинки. Я выпуталась из одеяла, приглашающе приподняла его край, и Люк, как был в брюках, почти рухнул в кровать.

Мы заснули за какие-то мгновения, вжавшись друг в друга и так и не сказав ни слова. Да и не нужны были слова – главное, что мы были снова рядом.

Люк проспал до середины следующего дня. Сон его был таким крепким, что, когда я, выбравшись поздним утром из постели и стараясь не шуметь, нечаянно смахнула на пол кувшин с прикроватного столика, муж даже не пошевелился. Я успела вернуться в кровать и подремать немного, обняв его со спины (прижиматься вплотную уже не позволял живот), проснуться, подразнить, целуя в лопатки и потираясь губами о шею, и иронично-сочувственно пофыркать из-за отсутствия реакции. Я бы повалилась рядом еще, но дико захотелось есть, причем причудливого – соленых огурцов с медом и мяса с шоколадом.

К капризам организма, который после окончания токсикоза начал изгаляться и надо мной, и над поварами, я относилась философски и подкармливала его тем, что было доступно в военных условиях, благо ничего экзотического пока не хотелось. Василина вот как-то призналась, что в беременность Андрюшкой каждое утро шла в лес, чтобы полизать смолы на соснах, пока Мариан самолично не провел в лесу полдня, набрав жене смолы целый котелок.

– И ты знаешь, – посмеивалась Вася, – я ложку из этого котелка съела – и как отрезало.

Как я ее сейчас понимала.

Заказав в покои завтрак, я спустилась в лазарет узнать обстановку, пообщалась с леди Лоттой – Рита отдыхала после дежурства – и приказала Ирвинсу доставить в мои покои чищенной моркови и корреспонденцию из кабинета: сама я туда уходить не хотела, мне спокойнее было работать рядом с Люком. Хрустя морковкой, я успела разобрать часть писем и снова проголодаться, а он все спал. Разве что сбросил одеяло и перевернулся на живот.

Морковь я грызла уже несколько дней – после того как повторно увидела двух сварливых призрачных змеюшек в зеркале и рассказала про них Люку. Он, посмеиваясь, подтвердил то, что я и так уже поняла: это никакие не галлюцинации, а вполне реальные духи воздуха, служившие Луциусу и пару раз оказавшие помощь и самому Люку.

– Хорошо, что они взялись приглядывать за тобой, – пробормотал он тогда сонно. – Мне так спокойнее.

– Интересно только, почему за мной? – насторожилась я.

– Кто знает, чем руководствуются духи? – проговорил он небрежно. – Спроси у них, если увидишь.

С тех пор я всегда держала под рукой чищеную морковь, полагая, что духам стихии Целителя виднее, чего мне не хватает, и особо внимательно вглядывалась в зеркала – но, похоже, змеюшки поняли, что им предстоит допрос, и старательно прятались.

После полудня я поговорила с Полиной – мы теперь созванивались реже, потому что она развила бурную деятельность по привлечению женщин в армию и одновременно ухитрилась стажироваться в Управлении безопасности Бермонта. По неумности своей Полина всегда была похожа на Ангелину, а старшая горы свернуть способна, если поставит себе цель. Собственно, сейчас она как раз этим в Песках и занималась.

Поля же пока трудилась над изучением устава и старых дел, но, несмотря на это, восторгов в ее голосе было столько, будто она уже возглавляла Управление.

Впрочем, не удивлюсь, если в будущем так и получится: после Полиных откровений о свадьбе я очень сложно относилась к Демьяну, но и для меня очевидно было, что он всегда даст ей все, что она пожелает, и еще стократ больше.

Напоследок сестра поделилась со мной своими приключениями с раньяром (под страшным запретом рассказывать что-либо старшим), а я только качала головой, слушая ее.

– Ты-то хоть не будешь меня ругать? – настороженно поинтересовалась она.

– У кого ты это спрашиваешь? – хмыкнула я, покосившись на двери спальни. Там было тихо. – Вообще-то в семье не ты самая безбашенная, Пол.

– У тебя фора, ты просто родилась раньше, – проворчала она, и мы захихикали. Я слушала ее смех и думала: какое же все-таки счастье, что я могу слышать ее, говорить, что она жива. Ради этого я бы еще миллион игл в себя вколола. Лишь бы она вернулась окончательно.

Люк вышел из спальни около двух дня, когда я просматривала отчеты по провизии, предоставленные управляющим: запасы на замковых складах и в погребках подходили к концу, а мы еще снабжали лагерь беженцев в соседнем городке. Муж уже посетил душ, переоделся и был чисто выбрит, от него пахло знакомой терпкой туалетной водой, но выглядел он таким сонным и помятым, что меня кольнула жалость.

– Я думала, ты до завтра проспишь, – проговорила я, поднимаясь из-за стола навстречу. Люк поцеловал меня в губы, в висок и немного виновато пробормотал:

– До завтра спать нет времени, Марина.

Я сердито прижалась к его плечу лбом. В комнате похолодало, но я, пересилив себя, выпрямилась, взглянув Люку в глаза. Часть меня уже тосковала, часть боялась до похолоде-

ших ладоней, но было и еще что-то, иное, яростное, темное, что заставляло кровь закипать, а меня – гордиться от знания, что мой муж уходит в самое сердце войны и будет сражаться за нас всех. Вдруг очень захотелось быть рядом с ним, уничтожая врагов, вспомнить ощущение, когда я посылая в небеса своих огненных птиц, – но чувство это полыхнуло и ушло, заставив меня с недоумением горячечно выдохнуть.

Все же кровь Красного давала о себе знать.

Люк усмехнулся и еще раз коснулся губами моих губ.

– Ты так свирепо выглядишь, будто готова меня связать и запереть в подвале, детка.

– Не подавай мне хороших идей, – пробурчала я, слабо улыбаясь. – Когда летишь?

– Через пару часов, Марина. Нужно решить несколько вопросов. Писем из Песков еще не было?

Я покачала головой. В ответ на известие о воскрешении Люка, которое я несколько дней назад отправила с огнедухом в Истаил, пришло два письма: от Ани, в котором она выражала свое изумление и искреннюю радость, и от Нории, наполненное таким братским ликованием, что муж читал с улыбкой и лицо его светлело, а потом сразу сел писать ответ. Теперь у них с Владыкой шла бурная переписка: бывало, они обменивались даже не одной, а двумя весточками в день.

Я выдохнула и окончательно взяла себя в руки.

– Разделите со мной обед, лорд Дармоншир?

– С удовольствием, – ответил он мне в тон. – Только закажи порций на четверых.

– Мы кого-то еще пригласим? – поинтересовалась я. – Твоя мама и сестра уже пообедали без нас.

– Приглас-с-сим, – буркнул супруг чуть шипяще и с легкой неловкостью. – Очень голодного меня.

За обедом Люк кратко рассказал мне о своем вчерашнем полете, с иронией поглядывая на то, как я намазываю запеченную рыбу горчицей и малиновым вареньем. Я не менее иронично хмыкала, глядя на гору пищи, которую он потреблял, и эти улыбки немного сглаживали звенящую тоску, разлившуюся между нами.

Муж не вдавался в детали, но я достаточно слышала и видела за эту войну, чтобы в красках представить, что осталось от Таммингтона, и понять, почему Люк после посещения герцогства решил немедленно присоединиться к армии.

– Как сейчас лорд Роберт? – спросил он, закончив рассказ и подцепив вилкой очередной кусок мяса. – Ночью Леймин отчитывался, что Тамми в реанимации без сознания и с ним после операции работают виталисты.

– Все там же и так же, – я под насмешливым взглядом Люка добавила в апельсиновый сок соли и сладкого перца. – Жить будет, хотя чуть не потерял ногу и не умер от заражения крови. Рита за ним приглядывает.

– Об этом мне тоже доложили, – проговорил Люк с сарказмом. Задумчиво покрутил на вилке мясо, отложил. – Это хорошо, что он жив. Мне он нравится. Умный, со стойким характером, спокойный, молодой, генофонд опять-таки близкий к Инландерам... не робкого десятка... пить правда не умеет, но это поправимо.

Перечислял он с утрированной торжественностью, будто титулы зачитывал.

– Он уже застолблен Ритой, – напомнила я ехидно. Глотнула сок, скривилась. – Или ты его сватаешь мне? Я уже замужем, знаешь ли, но раз ты так просишь...

Супруг хмыкнул, внимательно глядя на меня.

– Не мне? – нарочито удивилась я. – А кому?

– Инляндии, – немного мрачно объяснил Люк. – Война закончится, и, если мы загоним иномирян обратно в их мир... Ты же не хочешь быть королевой, Марина?

Я едва не подавилась: на глазах выступили слезы, в носу защипало от перченого горького сока.

– Я так и думал, – он подал мне салфетку, и я нервно промокнула губы. – А вот Тамми будет смотреться на троне прекрасно. Он и по характеру подходит – чем-то похож на Майки, типичный въедливый инляндец. Очень правильный, с понятием о чести. Женим его на Рите, порадуем матушку... Согласись: Рита в королевах будет отличной шуткой.

Я уже пришла в себя и настороженно смотрела на этого интригана. Он с невозмутимым видом доедал мясо, но глаза его смеялись, и я и негодовала, и обожала его в этот момент.

– Предположим, – наконец проговорила я, – есть вероятность, что корона выберет тебя...

– Невысокая, – небрежно пояснил Люк. – Крошечная.

– Лучше бы ты не уточнял. Теперь я действительно занервничала, – я скомкала салфетку. – И как ты собираешься управлять божественным артефактом?

– Управлять – никак. Я дам ему шикарную альтернативу. Молодого – двадцать лет, ровесник Берни, – умного, куда ближе меня к Инландерам...

– Это я уже слышала, Люк.

– А если он начнет оборачиваться змеем воздуха, то мое единственное преимущество таким быть перестанет, – продолжил он, отставив пустую тарелку и выжидательно глядя на меня.

– Манипулятор, – я подняла глаза к потолку. – Ты же понимаешь, что это может не сработать? Я не старшая, артефакты на крови мне так и не дали, да и с момента, когда я дала тебе кровь и до твоего оборота прошло почти три месяца... и то, скорее всего здесь сыграла роль наша первая ночь...

Он улыбнулся, глаза его потемнели – и я улыбнулась тоже, вспомнив наш побег и убежище в горах.

– Поэтому я и не прошу тебя напоить, например, Бернарда. Но кровь Тамми куда сильнее моей, – вкрадчиво возразил Люк. – А твоя должна была усилиться после замужества и неизвестно, как скоро она сработает теперь. Единственное, что меня останавливает – я не хочу, чтобы ты снова себя резала.

– Ради шанса избежать коронации я уж потерплю разок, – фыркнула я. В гостиную вдруг повеяло ветерком, словно чужим недовольством. – Но ты не мог по-человечески все объяснить?

Ветер усилился, и я поежилась. Люк, усмехнувшись, отвел взгляд от открытого окна, склонился ко мне и хрипло сказал, заставляя рассмеяться и на мгновения забыть о предстоящем расставании:

– По-человечески ведь неинтересно, детка.

Когда мы спустились в лазарет, доктор Кастер, ночью прооперировавший Таммингтона, сообщил, что пациент уже пришел в сознание, а виталистические процедуры только закончились. И, пока лорд Роберт не заснул, можно его навестить.

Молодой герцог лежал на койке в реанимационной капсуле, работающей на виталистических артефактах, весь в катетерах и трубках, нога – в гипсе на растяжке, в локте – капельница, но дышал самостоятельно и даже чуть повернул голову, когда мы вошли. Взгляд его был сонным, часть лица – в мази и пятнах от подлеченных ожогов: их следовало заживлять постепенно, чтобы не допустить грубых рубцов. У кровати чинно сидела Маргарета и читала пациенту вслух. Увидев нас, покраснела, захлопнула книгу – это был сборник народных инляндских сказок.

– Доктор Лео сказал, что Роберту нужно что-то спокойное и позитивное, – воинственно объяснила она, поднимаясь.

– У тебя прекрасная дикция, – совершенно серьезно похвалил Люк. – Ты не могла бы нас оставить, Рита?

Похвала его была даже чересчур серьезна, на мой взгляд, но Маргарета, расслабившись, повернулась к Таммингтону.

– Я найду к вам, когда вы проснетесь, Роберт. Не смейте снова уходить в кому! И не нужно меня благодарить, берегите силы.

Молодой герцог, открывший было рот, все же простонал что-то облегченно-благодарственное, за Ритой захлопнулась дверь, а мы подошли ближе.

На глазах лорда Роберта уже не было повязки, и пусть белки оставались багровыми, зато все осколки убрали, а зрение восстановилось. Он был худ, долговяз, и, если бы не ожоги, выглядел бы заучкой-студентом старших курсов. Никогда бы не подумала, что он способен несколько месяцев защищать свою землю.

Но в глазах его я видела ту же боль, которую наблюдала у каждого, попавшего в лазарет с фронта.

– Дармоншир, – просипел он, приподняв голову. На лбу, почти не задетом огнем, тут же выступили капельки пота. – Леди...

Я не смогла стоять на месте – вымыв руки, взяла салфетку, промокнула ему лоб. Смочила губы водой. Чуть подняла койку в полусидячее положение: крышка реакпсулы тоже немного поднялась...

– Не двигайтесь и постарайтесь много не говорить, Роберт, – произнес Люк дружелюбно и очень светски. – Я зашел поприветствовать вас и выразить свое уважение. Вы оборонялись до последнего. Чертовски рад, что вы живы.

Молодой герцог слабо мотнул головой, сдержав зевок.

– Не смог... – выдохнул он с болью. Глаза его стекленели.

– Вы сделали максимум, Тамми, – настойчиво сказал Люк. – Теперь ваша задача поправляться и отдыхать. Затем, если захотите, вас могут эвакуировать на Маль-Серену или в Пески.

Таммингтон возмущенно приподнялся и тут же рухнул обратно на койку. Запищал датчик сердечного ритма. В палату заглянул доктор Лео, строго посмотрел на нас – но пульс лорда Роберта уже приходил в норму.

– Я вернусь... сражаться! – просипел Таммингтон с яростью. – Присоединюсь к вам, чтобы... нужно дойти до моих земель...

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – попросила я его и с укоризной взглянула на змея-манипулятора, за которого вышла замуж. Если Люк и смутился, то лишь слегка. Хотя скорее – сделал вид.

– Тогда я буду ждать вашего выздоровления, – просто сказал он. – И, если позволите, хотел бы просить вас о помощи.

– Все, что угодно, Дармоншир, – пообещал молодой герцог тихо. Веки его почти сомкнулись.

– Нашей стране бы не помешал второй змей воздуха, Таммингтон. Не согласитесь ли вы попробовать пройти... своеобразную инициацию?

Лорд Роберт открыл глаза и потрясенно посмотрел на Люка.

– Но как? Это возможно? – голос его дрожал.

– Возможно. Не гарантировано, но возможно.

– Я согласен, – твердо сказал Таммингтон. И рассудительно добавил: – Даже если не выйдет, я обязан попробовать.

Люк удовлетворенно улыбнулся, а мне стало совестно.

– Вам придется дать слово, что вы никогда и никому не расскажете, каким образом получили способность к обороту.

– Даю слово, – с жесткостью, удивившей меня, прошептал Таммингтон: сейчас в нем проглянул тот характер, который так расхваливал Люк. – Клянусь своей честью и честью рода! Если это возможно... если бы я мог это сделать раньше...

Язык его начал заплетаться, лицо снова покрылось испариной, и я, промокнув лоб, сжала его руку и вступила в разговор:

– Вам придется выпить моей крови. Как только доктор Кастер разрешит вам принимать пищу.

Таммингтон даже не дрогнул.

– Сейчас! – просипел он настойчиво.

– Нужно подождать позволения доктора, – поддержал меня муж.

– Сейчас! – повторил лорд Роберт яростно, приподнимаясь – и, упав обратно, задышал мерно с закрытыми глазами. Заснул.

Люк досадливо хмыкнул – я вопросительно глянула на него, но он поманил меня на выход.

– Я надеялся, что смогу подольше поговорить с ним до отлета, – вполголоса пояснил он, пока мы шли обратно по коридору второго этажа из лазарета, здороваясь с коллегами и кивая в ответ на приветствия слуг. – Но я не могу дожидаться следующего пробуждения, поэтому отдам нужные распоряжения и оставлю ему письмо, чтобы он был готов к некоторым неожиданным, если твоя кровь сработает раньше, чем Тамми присоединится к армии и окажется под моим присмотром.

– К каким неожиданностям? – насторожилась я.

Мы вышли на лестницу. С первого этажа слышался приглушенный гул голосов, скрип тележек санитаров, с третьего, где располагались покои леди Лотты и Риты, – побуркивание Ирвинса: когда никого не было рядом, дворецкий любил напевать себе под нос, начищая дверные ручки.

– После проявления второго облика милейший Роберт будет слегка невменяемым и безмозглым. – Люк протянул мне руку, приглашая подниматься вверх.

– Насколько слегка? – спросила я тихо и очень ласково, остановившись на ступеньке рядом. – Если, например, сравнивать с тем, каким был ты после пробуждения в усыпальнице?

Муж помедлил секунду, прежде чем ответить так небрежно, будто речь шла о сломанном ногте:

– Хуже, детка. Пока не вспомнит, кто он, будет вести себя как голодный хищник, – он перевел взгляд на мое ухо и ненадолго замолчал, коснувшись пальцем серьги. – Я уже говорил, как тебе идут сапфиры?

– Люк! – сурово пресекла я попытку отвлечь.

Он усмехнулся, лаская мне шею и поигрывая с серьгой.

– Я все продумал, Марина. Ты же не считаешь, что я могу подвергнуть тебя и Риту с матерью хотя бы малейшему риску?

– Я считаю, что тебе нужно перестать недоговаривать и преуменьшать опасность, – проворчала я неслышно, чуть откидывая голову назад: в вопросе отвлечения его светлость был очень подкован. – Ты сам сказал, что не знаешь, насколько быстро сработает моя кровь.

– Зато я знаю, что за пару дней до оборота тело начинает ломать по ночам. И Луциус подтверждал, что так происходит у всех, – наставительно проговорил муж, не опуская руку. – Поверь, это настолько непередаваемые ощущения, что пропустить их нельзя. Я предупреду Тамми в письме о последствиях и о том, что если ломка начнется раньше его прибытия на фронт, то он должен связаться со мной. А на случай, если это окажется невозможным, попрошу Энтери отнести его в Милокардеры, туда, где на сотни километров вокруг нет поселений и можно обернуться, и поохотиться досыта. А ты пошлешь письмо Нории с просьбой найти их и

помочь. Владыка опытен и крайне силен, он сможет и успокоить змея, и ментально пробиться к нему, и поучить на первых порах.

– Разумно. И когда ты успел все спланировать? – пробормотала я, чувствуя, как от движений его пальцев в моих волосах ушло желание спорить.

– Ночью, когда узнал, что Тамми жив, – в тоне Люка было столько ироничного самодовольства, что я фыркнула.

– Наслаждаешься собой, господин манипулятор?

– Конечно, – он коснулся губами моего уха и прошептал. – Детка, все-таки сапфиры на тебе – это отвал башки.

Я прикрыла глаза. От нежности. От вновь накотившей тоски.

«Как я не хочу, чтобы ты улетал».

– Ты ведь не позволишь снова себя подстрелить, Люк? – требовательно спросила я.

– Я очень постараюсь, Марина, – пообещал он серьезно. Прикусил камень, чертыхнулся, покосившись наверх: мурлыканье Ирвинса стало громче, – и проговорил шипяще: – Надо ос-с-становиться. Иначе слегка безмозглым и невменяемым сейчас стану я, а до отлета мало времени. И много дел.

– Очень много? – прошептала я ему в губы, и мы некоторое время увлеченно целовались – пока сверху не раздалась поспешные удаляющиеся шаги. Кажется, мы сбили Ирвинсу песенный настрой.

Люк отстранился и потряс головой, глядя на меня потемневшими глазами.

– Дела, – напомнила я ему со всей строгостью.

– Дела, – согласился он хрипло. – Пойдем в мой кабинет, детка, я хочу тебе кое-что показать. Приличное.

– Боги, – пробормотала я восхищенно, первой начав подниматься, – неужели лорд Дармоншир задумался о приличиях?

За спиной раздался короткий смешок.

– Скорее о том, чтобы беднягу Ирвинса не хватил удар.

Мы прошли на четвертый этаж, к кабинету Люка. Я держала его за руку, а он то и дело поглядывал на меня, на серьги в моих ушах – но тут же отводил взгляд, словно напоминая себе, что нет времени. И молчал.

– Я заинтригована, – призналась я, закрывая за собой дверь кабинета и прижимаясь к ней спиной. Люк, коротко поцеловав меня, поспешно направился к столу, и я не стала его дразнить. – Может, расскажешь, в чем дело?

– В том, что твой супруг – болван, – едко ответил он, доставая из ящика стола большой ключ. Покрутил его в пальцах, показывая мне.

– Бывает, – согласилась я с нежностью. – Но я все еще тебя не понимаю.

– Я давно должен был дать тебе доступ в фамильную сокровищницу. – Люк подошел к стальной двери в сейфовую комнату, расположенную в стене меж книжных полок, вставил ключ в замочную скважину, подождал, пока я подойду, и набрал код. – Война продлится неизвестно сколько, деньги обесцениваются, тебе как хозяйке Вейна понадобится золото.

Дверь распахнулась, открыв еще одну: тяжелую, старую, в небольших подпалинах, сколах, царапинах, но все равно монолитную и несокрушимую. На ней не было замочной скважины, но в центре находился запирающий артефакт: темный след, будто кто-то прислонил к дереву раскаленную железную руку.

– Сюда за время существования Вейна пытались проникнуть и воры, и нечистые на руку слуги, – говорил Люк, прикладывая к следу свою ладонь. Она на мгновение окуталась голубоватым свечением – и дверь открылась. За ней в сокровищнице вспыхнули огни, освещая многочисленные полки. – Но доступ может дать только глава дома. Дед дал мне его, когда мне испол-

нилось шестнадцать. – Он взял мою ладонь, приложил к двери, прошептал несколько слов на староинляндском, и я почувствовала, как дверь отозвалась холодком. – Заходи, Марина. Теперь ты всегда сможешь открыть ее.

Я с любопытством шагнула внутрь. Комната была не больше моей гостиной, но широкие полки у стен все были заставлены сундуками, ящичками, футлярами и мешочками с драгоценностями, а также подставками, на которых ожерелья, браслеты и прочие украшения висели просто так, гроздьями. Несколько сундуков стояли и на полу.

Люк наблюдал за мной, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к двери. Я, усмехаясь его выдержке, открыла один из сундуков, невысокий – он был полон золотых монет, ходивших в Инляндии наравне с бумажными деньгами, – открыла второй, огромный, высотой со стол – он с горкой был наполнен мелким речным жемчугом.

– Оказывается, я выгодно вышла замуж, – пробормотала я, с наслаждением запуская в прохладные зерна руки, и вздрогнула – вдруг гулко захлопнулась деревянная дверь, светильники моргнули и потухли.

– Люк? – шепотом позвала я, поворачиваясь, – и не успела выдохнуть, когда в темноте он прижал меня к сундуку, и засмеялась, отвечая на терпкий, нетерпеливый поцелуй. – А как же дела? – поддразнила я, когда он скользнул губами к уху, к серьге с сапфиром.

– Все, все подождет, кроме тебя... – Люк опустил крышку сундука за моей спиной, от торопливости едва не прижав себе пальцы, выругался, подсаживая меня на него и поднимая платье. Темнота, его шумное дыхание, острые прикусывания кожи и нетерпение сделали свое дело, распалив и меня, и я забыла обо всем, что ждало нас снаружи, с жадностью отвечая на каждое движение, на каждый стон и вздох.

– Привести тебя к драгоценностям было изначально обреченной идеей, – проговорил он с хриплой иронией, когда мы пытались отдышаться, прижавшись друг к другу. Наша любовь в этот раз оказалась такой острой, горячей и быстрой, что у меня до сих пор бешено колотилось сердце и мелко подрагивало тело. Было так хорошо, что хотелось улыбаться и плакать одновременно.

– Отличной оказалась идеей, – возразила я расслабленно, целуя его в щеку. Глаза мужа, сияющие мягким белым светом, медленно тускнели.

Мы не спешили отпускать друг друга и обнимались там, в темноте, полной запахов старого дерева и нашей близости, прижимаясь друг к другу и прощаясь без слов поцелуями, ласками, прикосновениями. Он знал, что я буду ждать, я знала, что он сделает все, чтобы вернуться.

Люк улетел через час, успев пообщаться с Леймином по поводу нашей эвакуации на случай нового наступления врагов и поговорить с Энтери, написать письма для Таммингтона и Нории, попрощаться с леди Лоттой и Ритой. Мы провожали его с лужайки перед замком, и наши глаза были сухи – только когда свекровь крепко сжала его плечи и прошептала: «Только вернись, заклинаю, и сбереги брата», – я заморгала, останавливая слезы.

Он улетел, а мы постояли, глядя в небо, и тяжело побрели обратно к замку. Работать, жить и ждать.

Глава 4

Юг Рудлога, 23 апреля

На Юге Рудлога в нескольких сотнях километров от моря третью неделю кипели бои. Многотысячная армия иномирян, вышедшая из портала под Мальвой и успешно наступавшая к побережью, уперлась в укрепления под Угорьем.

Рудложцы, с боями сдавая город за городом, использовали каждую возможность задержать врагов, и к моменту, когда те подошли к Угорью, успели не только подготовить оборонительные линии, но и десятикратно нарастить количество орудий – не зря с начала войны во всю мощь работали заводы и открывались новые, не зря проводилась мобилизация и обучение бойцов.

Иномиряне, привыкшие к победам, не смогли с наскока одолеть укрепления под Угорьем и завязли в изнурительных боях, пытаясь пробиться к морю. Генерал Тенш-мин, который вел вторую армию от Мальвы на Центр Рудлога, не стал разворачивать войска на помощь – побережье от них теперь было дальше, чем вожденная столица страны, да и во главе первой армии стоял его сын, уже заслуживший к имени рода прозвище Победоносный. Но Тенш-мин был опытен и матер, поэтому, несмотря на уверенность в победе, все же приказал подтягивать к Угорью подкрепление из захваченных городов, временно оставляя в них небольшие отряды для поддержания порядка.

Оголением тылов и воспользовались рудложцы, за одну ночь обойдя врага по флангу и вместе с пришедшими на подмогу охотниками из маленьких горных городков отрезав иномирян от портала и прижав к реке. Так появился Угорский котел.

Адигель здесь, на равнине, разливалась в ширину более чем на километр, образуя естественную преграду для людей и охонгов. С другого берега иномирян круглосуточно обстреливали, а на этом день за днем сжимали дугу – несмотря на накопленные силы, очень медленно, неровно, залпами артиллерии прореживая раньяров, самую опасную силу врага, а при ответных атаках теряя бойцов и орудия. Иногда удавалось продвинуться вперед всего на пару метров, чтобы на следующий день быть отброшенными на сотни.

Иномиряне, зажатые между рекой и противником, дрались отчаянно и жестоко – и все равно проигрывали, и все плотнее прижимались к воде. Трупы с обеих сторон не успевали убирать и сжигать, и добавился еще один враг – нежить, не разбирающая своих и чужих. Земля под котлом пропиталась кровью настолько, что рожала чудовищные формы неживого – плотоядные озера слизи и черные жесткие капилляры, пронизывающие почву и способные опутать человека, впиться, чтобы высосать соки.

Случалось, что рудложские и иномирянские отряды вместе отбивались от чудовищ, а затем снова направляли оружие друг против друга. Все больше среди врагов ходило разговоров о том, что благословенная земля, новый мир, возможно, не так уж прекрасен, как обещали боги, раз здесь рождаются такие твари, рядом с которым и тха-охонг – мирная домашняя скотина. И что Лортах может затапливать еще много-много лет, на их век хватит, а богатство не окупает риск превратиться в то, во что превращаются их соратники после смерти.

Пока боги не слышали, можно было поговорить в коротких передышках между битвами.

От портала к Угорью с первых дней образования котла то и дело перебрасывали сотни раньяров, а по зову манков, сделанных из гортанных выростов инсектоидов, то и дело появлялись тха-охонги с десятками всадников – но их не хватало, чтобы прорвать окружение. К иномирянам из Нижнего мира шло и наземное подкрепление, но ему требовалось не менее месяца, чтобы добраться. На пути лежали минные поля и вставали партизанские отряды, среди которых оказались и удивительно меткие охотники, которые были способны издалека попасть

в глаз из простого ружья, странно повязывали головы шарфами и носили куртки из шкур, выдерживающих даже удар лапы охонга.

Бои под Угорьем продолжались бы еще долго, но несколько дней назад по инсектоидам, поднятым сыном Тенш-мина на прорыв, ударили неизвестно откуда взявшиеся десятки огненных птиц. Стрекозы и тха-охонги испарялись черным дымом вместе с людьми, всадники не выдерживали – разворачивали раньяров, чтобы бежать, но их нагоняли и уничтожали. Птицы одна за другой тоже развеивались, однако урон был нанесен огромный, и снова закипели бои.

К закату, багровому, как раскаленная сковородка, армии перемешались: где-то отряд иномирян пытался прорваться из окружения рудложцев, где-то рудложцы, слишком далеко забравшиеся во время атаки, оказывались отрезанными от своих – и не всегда удавалось прийти к ним на помощь. Земля чавкала от крови и стонала от грохота орудий, визга инсектоидов и криков людей. Сын Тенш-мина, понимая что впереди – поражение, сумел собрать из остатков своей армии полуторатысячный ударный отряд, уничтожить несколько орудий, обеспечив себе безогневой коридор, и попытался пробиться к лесу, где можно было бы ночью укрыться под кронами и спастись, рассосавшись по округе в ожидании подкрепления.

Иномирянам удалось продавить рудложцев, тоже измотанных и пошатнувшихся от внезапной атаки, почти до леса. Но посередине, перед отступившими соратниками, остался маленький отряд, занимающий небольшой холм. Вокруг мелькали спины охонгов и тха-охонгов со всадниками, а далеко позади были рудложцы, которым требовался хотя бы десяток минут, чтобы перестроиться и пойти в контратаку.

Двадцать человек, возглавляемых младшим лейтенантом, который ушел на войну, когда ему оставалось два месяца до окончания военного училища, дали рудложцам куда больше, чем десять минут. У бойцов было четыре артиллерийских орудия, несколько пулеметов, много ящиков со снарядами и патронами – и сотни врагов. Лейтенант приказал развернуть орудия на все четыре стороны, сам встал у одного из них – и вскоре потерял счет тому, сколько раз командовал «Снаряд!», сколько раз содрогались и плевали огнем пушки и сколько врагов сумели уничтожить он и его ребята.

Минуты тянулись как часы. Со стороны Адигель к вечеру веяло свежестью. Очень хотелось пить: давно кончилась вода, и лейтенант иногда слизывал соленый пот, смешанный с грязью и порохом, с губ и черных жестких усов.

– Снаряд!

– Пли!

Его старший брат сейчас стоял за таким же орудием с другого края котла, и лейтенанту иногда казалось, что он слышит добродушное «привет, Диди» в гулких выстрелах с той стороны. Тогда он отвечал «привет, Пади» – целясь во врага, конечно. Закатное солнце светило в лицо, и лейтенант, сосредоточенный и мучимый жаждой, радовался, что брату оно светит в спину: значит, ему удобнее стрелять.

«Держись, лейтенант», – то и дело раздавался голос командира батальона в наушнике, отсчитывая секунды до очередного выстрела. – «Мы в сотне метрах позади. Держись».

Диди слизывал пот с губ, вытирал смуглое лицо и отсчитывал время до выстрела.

– Снаряд!

– Пли!

«Держись. Тридцать метров...»

– Снаряд!

Отряд Диди Тандаджи почти час сдерживал ожесточенные атаки иномирян, стреляя им в спины и помогая своим, уничтожая врага на подходе к лесу и при попытках пройти мимо холма. Целый час потребовался рудложцам, чтобы пройти сто метров до высоты, где оставались двадцать бойцов.

Когда иномирян начали оттеснять обратно к реке и стало понятно, что последний прорыв захлебнулся, вся мощь и ярость проигравших обрушилась на маленький отряд. Уже не обращая внимания на выстрелы орудий и пулеметные очереди, по телам охонгов и своих соратников иномиряне добрались до вершины холма.

Лейтенант Диди Тандаджи был смертельно ранен в рукопашной схватке, сражаясь рядом со своими бойцами. Он слышал гулкие выстрелы с другой стороны котла, говорящие ему «Привет, Диди», и скрипящий голос командира в наушнике, видел раскаленный злой закат, а вспоминал страну, в которой родился, солнечную и яркую, и духов, которые встречались на каждом шагу, песни матери, теплый дом, вкус козьего молока. И казалось ему, что смотрит на него с неба тысячеглазый дух Инира, который видит все, что происходит с каждым тидуссом, и хлопчет за каждого после смерти перед Черным Жрецом – чтобы перерождение было быстрым и легким.

Иномиряне были уничтожены к ночи, и только у реки еще огрызались охонги и иногда пролетали оставшиеся без наездников раньяры.

Пади Тандаджи нашел тело младшего брата на следующее утро на том же холме, где Диди был убит, и сам, не дожидаясь похоронной команды, предал его огню в лесу вместе с телами бойцов его отряда.

С утра весь Рудлог ликовал от известия, что под Угорьем удалось одержать сокрушительную победу и остановить иномирян. Ликовали в столице, радовались во дворце, в том числе и в Зеленом крыле.

Звонок в кабинете начальника разведуправления Майло Тандаджи раздался около полудня, и после разговора в нем воцарилась тишина. Но через полчаса тидусс вышел из кабинета, направляясь на совещание, собранное по случаю победы под Угорьем. Он был так же спокоен и собран, как обычно, и только очень внимательные агенты могли заметить немного замедленную походку, бледность и покрасневшие белки глаз. Но после совещания он сразу поехал домой и там, обняв жену, сообщил ей, что их сын погиб.

Вечером заливающаяся слезами Таби с невестками и матушкой, переодевшись в фиолетовые одежды, украсили дом лентами и цветами, включили музыку, зажгли ароматические палочки, напекли медовых лепешек, которые пекли на похоронах в Тидуссе. Они плакали, пока украшали дом, плакали, пока готовили, но потом вытерли слезы и за стол сели, уже улыбаясь, чтобы не отягощать слезами перерождение сыну, внуку, мужу.

И до поздней ночи они вспоминали Диди, смеялись и благодарили его за то, что он был в их семье, и желали ему счастливого посмертия. А если у кого-то, включая самого Майло, начинали блестеть глаза или щеки вдруг становились мокрыми – то что же. И от смеха можно плакать – так говорят в Тидуссе. Особенно на похоронах.

25 апреля, Иоаннесбург, Василина

Королева Василина с супругом отправились в храм Триединого до рассвета, когда ранние прихожане еще спали: и у нее, и у Его Священства дни были расписаны до минуты, а поговорить следовало уже давно. И неизвестно, в чем больше нуждалась королева – в совете или в утешении. Его Священство, когда ему нужно было какое-то содействие от дома Рудлог, не гнушался приезжать во дворец, но из уважения к его возрасту Василина старалась все же встречаться в храме – после служб, на которых ей с семьей и придворными полагалось присутствовать по статусу, или вот так, по взаимной договоренности.

Свежая, будто и не встала затемно, спокойная и печальная королева смотрела в окно автомобиля, а Мариан, как всегда чуткий к ее настроению, грел ее руку в своей.

По центральному Спасскому проспекту, на одном конце которого располагались площадь Победоносца и дворец Рудлог, а на другом – Храм Всех Богов и коронационная арена, проезжали редкие машины. От реки Адигель тянуло свежестью, в белесом тумане трепетали

флаги, поднятые по городу в честь победы под Угорьем. А ее величество, глядя на красно-золотые полотнища, думала о том, сколько же родителей вчера оплакивали своих детей под звуки салюта и сколько смотрели ее обращение к народу, не зная, что скоро получат похоронки.

Василина в своем обращении говорила о победе и мужестве, потерях и героях, о том, что враг выдыхается и его будут давить, пока жив хотя бы один рудложец, о том, что войска под Угорьем разворачиваются и начинают наступление к порталу под Мальвой, дабы освободить захваченные города Юга и разбить подкрепление, идущее к котлу. Ее речь была вдохновенной и торжественной. Но Рудлог ждал от нее закрытия третьего портала, а она не могла этого сделать.

На срочном совещании, собранном ею перед записью обращения, были озвучены страшные предварительные цифры: чтобы уничтожить почти тридцать тысяч иномирян и их основную ударную силу – инсектоидов, в огромном Угорском котле и на подступах к нему отдали свои жизни более ста тысяч рудложцев. А без королевских камней-артефактов с привязанными духами огня, которые наконец-то доставили боевым магам к котлу, погибших оказалось бы еще больше. Общие же потери мирных граждан и военных Рудлога уже перешагнули полмиллиона.

Тем же вечером Мариан узнал от Стрелковского, что среди этих погибших оказался и младший сын Тандаджи, и Василина, вспоминая каменное лицо тидусса, с которым он днем выслушивал данные о потерях, содрогалась до рези в горле. Сколько еще чьих-то близких погибнет, если она не закроет портал у Мальвы? А сколько погибнет, если закроет – тем самым, скорее всего, отрезав путь домой и сестре, и магу, несущему в сердце бога, и приблизив конец знакомого и привычного мира? И что она, конкретно она, может еще сделать, чтобы помочь путникам?

Василина коснулась сумочки, в которой среди флаконов с разными маслами на жертву богам лежал один с маслом аира болотного, и муж крепче сжал ее руку.

– Хотела бы я быть уверена, что все делаю правильно, – пробормотала она.

– Ты действуешь, – отозвался Мариан. – Уже одно это правильно.

Он поддержал ее сразу, как она озвучила свою идею. И Ангелина, с которой Василина вела бурную переписку, тоже поддержала.

«Я не могу сделать это за тебя, – писала старшая сестра, – потому что тебе нести ответственность перед нашим первопредком, Васюша. Но если есть хотя бы малейшая вероятность, что это поможет Алине вернуться к нам, нужно делать. Не сомневайся».

У входа в пустынный храм, тишина в котором нарушалась лишь шорохом граблей: монахи ровняли песок перед службами, – правящую чету встречал Его Священство. Такой же, каким Василина помнила его с детства: невысокий, полупрозрачный от возраста и совершенно седой, вне служб одевающийся в простое одеяние с капюшоном и сумочкой для ароматических масел на боку, запахом которых он пропитался насквозь.

Пока они, как равные, склоняли друг перед другом головы, королева думала, что в нем совсем не чувствуется ни немоги, ни усталости. Мариан же со всей почтительностью приложился к сухонькой руке, и священник, шепнув ему слова благословения, кивнул на статуи шести богов и Триединого: в сумерках перламутровый погодный купол заставлял белый мрамор мерцать.

– Подсобите мне в утреннем ритуале? – пригласил старик радушно.

Они неторопливо, почти прогуливаясь по влажному песку, направились к статуе Белого, чтобы поклониться и добавить в чашу у змеиного хвоста масло ветивера. Его Священство слушал Василину – лишь раз отвлекшись, чтобы прошептать короткую молитву-приветствие

Инлию, – а она рассказывала о том, что ее беспокоит: о младшей сестре и ее спутниках, о Черном, которому нужно вернуться на Туру, о войне и порталах, которые нельзя закрывать, о чужих страшных богах, которые могут прийти по этим порталам...

– Прошло две недели с тех пор, как я закрыла переход у Лесовины. – Василина вслед за Его Священством вылила в чашу Ученого масло белого лотоса и поклонилась. – Моя сила восстановилась, огнедух из недр Рудлога, который помог мне, тоже. Пока открыт портал у Мальвы, война не закончится – пленные говорят об огромных армиях с той стороны, которые ждут своего часа.

– Вы пришли за советом, нужно ли закрывать портал? – мягко поинтересовался старик. Василина печально покачала головой.

– Нет. Если бы на одной чаше весов лежала только жизнь моей сестры, а на другой – жизни тысяч рудложцев, я имела бы право выбора, хотя он в любом случае оказался бы болезненным. Сейчас выбора нет: шестая стихия должна вернуться в наш мир, а значит, все проходы необходимо оставить открытыми. Но я каждый день ощущаю... чувствую... – она запнулась. – Как будто Туру разрывает на части. Я общалась с председателем МагСовета. Маги говорят, что стихии слабеют и каждый день может случиться коллапс. Что чем слабее стихии, тем крупнее пространственные порталы, и есть опасность, что наша планета просто не выдержит, развалится. А если порталы закрыть, то мир останется целым, хотя и переживет целую серию катаклизмов и из него полностью уйдет магия. Но человечество... хотя бы его часть, выживет. – Она выжидательно посмотрела на собеседника.

– Все верно, – тихо согласился священник.

– Мне нужно знать, сколько у мира осталось времени. Маги дают от нескольких недель до нескольких месяцев... но это слишком условно. Может, вы ответите на этот вопрос, Ваше Священство? Я не знаю, как долго еще идти моей сестре и ее спутнику в Нижнем мире... несколько дней, неделю, если ничего не случится. Если они сумеют пробиться, если сумеют выйти... успеют ли они? – Она говорила горячо, взволнованно. – Будут ли существовать к тому времени наш мир, наши боги? Если есть опасность, что мир рухнет до возвращения Жреца, не нужно ли мне закрыть переход ранее? И можем ли мы, люди, как-то помочь Великим Стихиям просуществовать дольше – помимо всеобщих служб, жертвоприношений и молитв...

От статуи Воина, к которому они подошли, едва заметно пахло жаром, и Василина осеклась, настороженно и удивленно улыбнувшись. С момента возвращения она посещала и семейную часовню, и усыпальницу и каждый раз ощущала подобное молчаливое внимание первопродка. Но он ни разу не ответил на ее вопросы, и сейчас королева не понимала, как трактовать этот знак. Как согласие с тем, что она планирует сделать? Или предупреждение дерзкой дочери?

– Отец мой молчит, – продолжила она, встретив понимающий взгляд старика. – И не только он. Я говорила с царицей Маль-Серены, с Демьяном Бермонтом, переписывалась с Владыкой Нории – никому из них сейчас первопродки не дают ответа, чего нам ждать и как поступать. Хань Ши недоступен, его сын не в полной силе, но отвечает, что мир едва держится и счет идет едва ли не на дни. Я не знаю, у кого еще спросить, кроме вас, Ваше Священство. Вы ведь знаете больше, чем я, чем все мы.

– Но куда меньше, чем боги, – со старческой ласковостью ответил служитель. – А мои господа небесные не отвечают и мне тоже. Значит, они и не могут ответить или помочь, ваше величество, даже при яростном желании это сделать: разве что вы ударитесь в самую жестокую, изнурительную аскезу, чтобы искупить их вмешательство и оплатить ответы. Но, полагаю, вы стране нужны для другого. Боги платят за каждое вмешательство в дела людей, сильное и слабое, и, когда лимит превышает, несут наказание, отстраняются от дел Туры. Сейчас они молчат, потому что не могут оставить мир без своего присмотра. Поэтому нам остается самим решать, как правильно. Самим действовать, моя королева.

Он прошептал короткую молитву Синеи, которая с любовью глядела на них сверху. Василина сделала несколько шагов в сторону – туда, где почти у стены, отвернутый от остальных богов, стоял Жрец.

– Вы ведь знаете, что в Медовом храме в Тидуссе начались службы Черному? Мне написала об этом моя сестра Ангелина. Знаете, что по всему миру сейчас молятся в помощь Жрецу? – спросила она, подходя ближе к накрытой темной сеткой статуе.

– Конечно, – кивнул старик, с достоинством шагая рядом.

– Но почему вы не возобновили службы?

– Все храмы издревле подчиняются воле бога, на земле которого расположены, – объяснил Его Священство кротко, но выпуклые глаза его улыбались, и сам он смотрел на королеву почти с обожанием. – Я не имею права отменить решение Воина.

«Но вы имеете», – говорил его ласковый взгляд.

Василина вздохнула – и снова за спиной ее почти вплотную встал Мариан, словно говоря, что защитит ее от чего угодно. И от конца мира, и от ярости первопредка.

– Пусть мой отец не может сейчас вмешиваться в дела земные, – твердо проговорила королева. – Но я могу говорить от его имени и брать на себя последствия его гнева тоже. Вот вам мое слово: я, Василина-Иоанна Рудлог, волей своей и правом крови возвращаю почитания и славословия Жрецу на всей территории Рудлога. И если я тем прогневаю своего первопредка, то пусть спрашивает с меня.

Она зашла за постамент, схватилась за сетку и потянула ее вниз – покров пошел тяжело, неохотно, пока Мариан не рванул его, сразу порвав пополам. Половинки с шелестом упали на песок, открыв строгое молодое лицо Черного, жреческую мантию с капюшоном, вбрана на плече, череп в руке, и Василина, пока не передумала, достала из сумочки последний флакон – с маслом аира – и вылила в чашу у его ног.

– Я не знаю ни одной молитвы тебе, Великий, – сказала она звонким, дрожащим от волнения голосом и поклонилась. – Но признаю тебя равным отцу моему и частью стихийного цикла. Никогда больше в Рудлоге не будет запрещено служение тебе. Прошу, возвращайся скорее. Пусть у тебя хватит сил это сделать. И... пусть моя сестра вернется живой.

Бог молчал, и строгий взгляд его был пуст и мертв. От белого камня тянуло холодом.

– Устами правителя говорит его первопредок, – проговорил служитель тихо. – Я исполню вашу волю, ваше величество.

Он шевельнул руками – и огромная статуя Жреца качнулась, приподнимаясь, поплыла к своим братьям и сестре и в тишине встала на песок рядом с Синеи, лицом к трехглавому Триединому, как и все боги.

В храм потянулись первые прихожане, изумленно останавливаясь на входе при виде полного полукруга Великих Стихий. Королевскую чету и Его Священство они не замечали и не слышали, хотя те за разговором проходили рядом, да и охранники, оставленные у ворот, тоже смотрели мимо, как и люди, снующие по Спасскому проспекту.

А вот теплый взгляд первопредка Василина ощущала спиной. И теперь казалось ей, что он одобрительный и даже немного горделивый.

– Как жаль, что силу священства нельзя использовать против врагов, – проговорил Мариан, подняв руку перед гвардейцем, который стоял в двух шагах и не видел их.

– Триединый много дает, но много и требует, – кротко ответил Его Священство. – Наша сила велика, но она исчезает, если использовать ее во зло. И мы, и иномиряне – дети Творца. Убийство оправдано только для защиты, и то после этого служитель должен провести дни в очистительных молитвах и посте. Поэтому пусть каждый занимается своим делом, сын мой. – Мариан молча склонил голову. – И не стыдись своих мыслей: ты солдат, ты мыслишь, как солдат. Вижу, что ты хочешь спросить еще о чем-то. Прошу, говори.

Василина чуть погладила локоть мужа, за который она держалась, – ей тоже было любопытно.

– Я хотел бы понимать, почему иномиряне не трогают наши храмы, – произнес принц-консорт, едва заметно подавшись к ней. – Пленные все как один говорят, что «боги не велели». Но почему не велели – никто не знает, даже их жрецы, которые попадались нам. Командование опасается, что здесь есть какой-то подвох.

– При нападении на свой храм бог имеет право вмешаться, – объяснил служитель охотно. – Полагаю, захватчики берегут своих солдат и не дают нашим богам уничтожить их. А храмы Творца обходят, потому что, как бы ни был он занят делом, нами непостижимым, есть риск привлечь его внимание.

Они подошли к автомобилю: охрана по-прежнему их не видела, и Василина протянула старику руку на прощание.

– Я очень ждал этого решения, ваше величество, – произнес Его Священство, сжав ее ладонь. – В храмах других стран заметили, что, как только стало больше служб Жрецу, нежить начала подниматься куда меньше. Теперь и братьям моим, оставшимся в святилищах на захваченных территориях Рудлога, станет легче. От врагов их защищает сан и храм, но от нежити, когда ее слишком много, даже сила, данная Триединым, может не защитить.

Королева кивнула – она знала, что служители Триединого продолжают нести службу и после перехода городов и селений в руки врагов. Знала, что безропотно помогают иномирянам в зачистке катастрофически расплодившейся нежити, которая не разбирает, кого жрать, лечат своих и чужих. А еще они стали огромной агентской сетью – ведомство Тандаджи получало от них едва ли не больше информации, чем от своих сотрудников.

– Но почему вы не попросили меня ранее, Ваше Священство? – грустно поинтересовалась королева, которая последние несколько дней извелась, решаясь на этот шаг.

– Потому что, – строго сказал старик, глядя ей в глаза, – бывают долги, которые нельзя выплатить по подсказке. Иначе уроки не будут усвоены ни богами, ни людьми.

Он повел ладонью по кругу в благословляющем жесте, и такой вековой мудростью повеяло от него в этот момент, что Василина напомнила себе, что он не просто священник, а служитель Триединого – для которого боги Туры такие же его дети, как и люди.

Когда они ехали обратно, солнце, вынырнувшее из-за Константиновских часов дворца Рудлог, залило и дома на проспекте, и площадь Победоносца, и быстро тающий туман, и автомобиль золотисто-розовым, чистым сиянием, сделав Иоаннесбург совершенно праздничным. Королева, подставив лицо теплым лучам, улыбнулась – на сердце окончательно полегчало, словно прощальное благословение усилилось этим солнцем и этим сиянием. И на несколько минут, оставшихся до дворца, она позволила себе положить голову мужу на плечо и закрыть глаза, чтобы мысли текли своим чередом.

Иногда даже королевам нужна передышка.

Отчеты от друга Алины, Матвея, приходили нерегулярно: то он каждую ночь видел, что происходит с сестрой, то через день-два, то полноценно и долго, запоминая разговоры, то обрывками, из которых ничего не было понятно. Василина все перерывы воспринимала со страхом: вдруг в эту ночь он не увидел Алину потому, что она уже погибла?

«Живы, все еще в пути», – словно понимая, что нужно начинать с самого важного, писал Ситников в очередном отчете, и дальше королева уже читала с облегчением и тревожным ожиданием: может, они уже недалеко от портала и собираются прорываться? Вдруг отряду боевых магов во главе с Александром Свидерским пора начинать бой у перехода под Мальвой, чтобы заставить иномирян, охраняющих портал в Нижнем мире, перейти на Туру на помощь своим, и тем самым облегчить задачу путникам? Возможно, магам самим придется уйти на ту сторону

– если хватит артефактов-стихийных накопителей для ведения боя в другом мире, – и дать Алине со спутниками сигнал, что здесь свои, что врага отвлекут, что можно идти на прорыв.

Василина уже отдала Александру пятьдесят камней, напоенных ее кровью – по числу магов его отряда, с пятью огнедухами в каждом амулете. Ради того, чтобы усилить этот отряд, недрогнувшей рукой подписала указ об ограниченном помиловании Черныша. Тогда же, на встрече с Александром Свидерским, которая произошла несколько дней назад в королевском кабинете в присутствии Тандаджи, случилось редчайшее событие – королева поспорила с мужем.

– На руках Черныша кровь сотен человек. Кто гарантирует, что он не предаст нас в самый важный момент? Не ударит в спину? – сказал Байдек резко, когда Свидерский озвучил просьбу о помиловании.

Собеседники расположились в комфортнейших креслах напротив королевского стола, но тема была сложной, и расслабленным выглядел один Тандаджи.

– Я и Алмаз Григорьевич, – ответил Александр Данилович сухо. – Поймите меня правильно, ваше высочество: я вполне разделяю ваши опасения. Мне как никому другому известно, насколько опасен Черныш, и даже я не полностью осведомлен о его возможностях. Зато я уверен, что никто не в состоянии обойти магическую клятву. Поэтому безопаснее связать его клятвами и заставить помогать нам, чем оставить, даже в стазисе, в любой из тюрем. Слишком силен, слишком опытен – кто знает, что у него припасено на случай стазиса?

– Я и не говорю о тюрьме, – Байдек, сжав подлокотники кресла, подался вперед. – Я говорю о том, что мага, покушавшегося на мою жену, нужно отправить в стазис и, пока он беспомощен, уничтожить как бешеную собаку. Даже не говорю – настаиваю.

– Я согласен с его высочеством, – ровно подал голос Тандаджи, который в разговоре до этого не участвовал.

– Ваше величество? – Свидерский взглянул на Василину. Мариан тоже смотрел на нее в упор, и она покачала головой.

– Я понимаю, что он заслуживает смерти, – сказала она, глядя только на мужа, – но имеем ли мы право разбрасываться таким ресурсом?

– Да, – он ожидаемо был непреклонен. – Преступник должен нести наказание. Конкретно этот должен быть казнен.

– Нет, Мариан, – она снова покачала головой. – Александр Данилович ручается за него. Если Черныш поможет спасти Алину и помочь пройти сюда Жрецу, то я готова рискнуть. Ты понимаешь?

Он заиграл желваками – любимый супруг, готовый защищать ее от всего мира, – и тяжело, неохотно кивнул.

«Больше всего я боюсь, – позже писала королева Ангелине, – что все приготовления Свидерского окажутся бесполезными, что именно в момент, когда понадобится помощь с Туры, у Ситникова произойдет перерыв в связи с Алиной. Если бы можно было как-то заранее очистить землю вокруг портала от врагов! Но наши войска очень далеко, в нескольких неделях пути – сдерживают иномирян, рвущихся к Иоаннесбургу, и собираются с силами, чтобы отбить города между Угорьем и Мальвой. Несмотря на победу, Юг остается во власти захватчиков, и поэтому уповать приходится только на Свидерского, Алмаза Григорьевича и магов их отряда».

«Однажды я сумела съечь сотни песчаников, – отвечала ей сестра, – не забывай о том, что мы и сами – сокрушительная сила, Василина. Я могу попросить Нории принести меня туда и повторю это для наших врагов. Поверь, я не дрогну».

Да, Ангелина могла, не впадая в сомнения и ужас, обрушить пламя и на людей, и на инсектоидов. А в себе Василина совсем не была уверена.

«Но твоя сила может разрушить портал – а закрывать его нельзя, – писала она в ответ. – Времени все меньше, мы все ищем выход и не можем его найти. Если бы можно было как-то скоординировать действия спутников Алины в Нижнем мире и отряда на Туре! Но на Туре был всего один дракон, способный пройти через портал и не погибнуть от рук иномирян, и он уже сделал это. Остается надеяться на удачу и милость всех богов во главе с Триединым».

Переписка с сестрой придавала королеве уверенности – Ангелина была не меньше занята, чем сама Василина, но при этом находила время ответить, поддержать, дать совет. А на благодарности мягко отвечала:

«Рано или поздно ты заметишь, что я согласна со всеми твоими идеями, милая, и поймешь, что справляешься сама и тебе не требуется мое одобрение. Но пока оно нужно – я всегда буду рядом. И когда станет не нужно, тоже».

Огнедухи между Истаилом и Иоаннесбургом летали почти ежедневно, а если учесть, что Ани переписывалась со всеми сестрами и Святославом Федоровичем, то оставалось только гадать, откуда у нее при всей ее загруженности находятся силы и время уделить внимание каждой.

Глава 5

25 апреля, Иоаннесбург, Василина

Константиновские часы пробили семь утра, когда автомобиль ее величества остановился у широкого дворцового крыльца. Василина, едва заметно зевнув в плечо мужу, подождала, пока он выйдет и подаст ей руку, и пред очи подданных явилась уже собранной, с легкой улыбкой на губах.

Традиционно парадный вход снаружи охраняли восемь гвардейцев. Сегодня к ним присоединился девятый помощник – на верхней ступени, горделиво вытянув шею, сидел огнедух Ясница.

Когда королева ступила на лестницу, гвардейцы отдали честь, встали смирно – и пламенный гепард повторил их движение, поднеся лапу ко лбу и заставив Байдека хмыкнуть, а Василину засмеяться и, склонившись, поцеловать его в огненный лоб.

– Молодец, – принц-консорт, проходя мимо, потрепал его по холке: Мариан теперь постоянно носил подаренный огнедухом браслет, защищающий от ожогов. Ясница, изогнувшись лентой, текуче скользнул рядом во дворец, в открытые слугами тяжелые двери. – Доложить обстановку!

– Все споко-о-ойно, – протянул гепард мурчаще. – Дети-и-и спят. Побудка через пять минут-у-ут!

За дверями Василину встречала помощница – сделав книксен, протянула список дел. Первым шло совещание с военными и безопасниками, на которое королева с принцем-консортом направлялись прямо сейчас, затем завтрак – время, когда они могут спокойно побыть с детьми. Последние дни это случалось слишком редко.

Секретарь, следуя на шаг позади, перечисляла просьбы о встречах, придворные и служащие, спеша по делам, кланялись королевской чете и приседали в книксенах, огненные саламандры на стенах и искрянки под потолком радостно потрескивали при виде дочери Красного. А Василина, шагая к залу совещаний, думала о том, как хочется сейчас пойти в детскую и самой разбудить сыновей, а затем шептаться тихонько, чтобы не проснулась Мартинка, и валяться, обнимаясь, и баловаться самым расслабленным образом. Но война не давала им времени – а дети росли слишком быстро, и королева с тоской ощущала, что упускает самое важное, нужное ей, то, что потом не наверстаешь. Уже и дочка не только бойко топала под присмотром няни, но и стала лепетать первые слова, и Василь вытянулся, вдруг превратившись из мальчишки с поддетски округлыми щеками в маленького беловолосого мужчину, которому в июле исполнится семь и положен будет собственный камердинер, наставник и покои, а Андрюшка, ужасно скупающий по маме, с гордостью показывал, как слушается его щенок, подаренный Кембритчем. Да и щенки за это время вымахали почти до размеров пони.

– Чужи-и-их во дворце нет, – слышала она позади горделивый доклад Ясницы, – зато сво-о-их прибавилось!

– Сколько? – терпеливо уточнил Байдек. Гепард смущенно зафыркал.

– Трина-а-адцать!

– Правила объяснил?

– Конечно-о-о!

Ясница, когда не находился с младшими Рудлогами, таскался за принцем-консортом по гвардейской части и с удовольствием принимал участие в построениях и тренировках. В отсутствие Байдека то и дело выскакивал перед патрулями и постами, «проверяя боеготовность», и довольно облизывал усы, наведываясь в столовую: бойцы привыкли к нему настолько, что безбожно закармливали ароматическими маслами, и гепард теперь лоснился разноцветными потоками пламени.

На площадки с маслами приманилась пара десятков огнедухов поменьше и ежедневно прибавлялось еще несколько – поэтому во избежание пожара в казармах Байдеку пришлось наводить порядок. Устанавливать совместные дежурства духов и солдат, ставить необычных бойцов на довольствие, назначать время кормежки и издавать приказ о том, что при гвардейской столовой теперь питаются и пламенные помощники. Огнедухи его слушались беспрекословно, хоть и не с такой восторженностью, как Василину. Но королеве стоило один раз сказать Яснице: «Передай всем, что к приказам моего супруга нужно относиться как к моим», – и проблем не возникло ни разу.

У дверей зала совещаний Ясница, успевший доложить все на свете – от того, что готовят повара на завтрак до ссоры двух придворных дам, – вильнул в сторону, вспорхнул в воздух огненной птицей с сверкающим хохолком и в сопровождении стайки искрянок полетел в сторону Семейного крыла, контролировать пробуждение младших Рудлогов. А королева с мужем зашли в зал, в котором их уже ждали военный министр с заместителями, Стрелковский и Тандаджи, такой же спокойный, как обычно.

* * *

Примерно в это же время в Нижнем мире император Итхир-Кас в шатре, который поставили для него на равнине у трех гор, слушал своих связных. Над Иоаннесбургом день только начинался, а над ставкой императора давно отгорел закат, и луны уже мчались по отдающему фиолетовым небу, отражаясь в водах рек.

Два оставшихся шара из божественного материала, служивших ключами в новый мир, были теперь принесены в центр равнины и расположены на расстоянии трех тысяч шагов друг от друга и от армии императора – чтобы при открытии врат над любым из них можно было сразу поднимать войска и идти в атаку. Вокруг кипел лагерь: наемники занимались своими делами, а в загонах, помимо инсектоидов, находилось теперь около двух тысяч невидши, по приказу командиров, приставленных к ним, впавших в сонное оцепенение.

До окончания декады, в которую провидица Индерин обещала открытие следующих врат, оставалось пять дней, и тха-нор-арх ждал этого с тем сладостным чувством, с каким одерживаешь первую победу и первый раз окунаешь меч в кровь врага. Взгляд его от предвкушения сделался совершенно безумным, новый вызов радовал и горячил кровь, как в молодости, но Итхир-Кас был собран и сдержан как никогда – много в его прошлом было больших битв, оставивших после себя опыт, терпение и умение оценивать свои силы и силы противника.

За обороты лун, прошедшие с открытия первых врат, жители нового мира при всех их чудесах и уровне развития военных механизмов так и не смогли победить простых наемников с инсектоидами, так что они смогут противопоставить невидши? Один невидши стоит сотни искусных наемников, и не боится ни боли, ни огня, в отличие от охонгов, не ведает страха и не требует отдыха и сна, как люди.

И сам Итхир-Кас, потомок воинов, измененных еще до прихода на Лортах, подозрительный, умный и жестокий, был опаснее любого бойца. Руки его были все так же крепки, как в молодости, удар – точен, а ментальная сила, данная богами, не имела равных и могла заставить сотни людей повиноваться его воле. Так отчего бы ему было не верить в победу?

Оттого и слушал он связных снисходительно, хоть и не показывал этого, и недавние промахи генералов своих воспринимал с тайным удовлетворением – тем блистательнее его победа будет на их фоне, и никто больше не усомнится в его силе.

– Генерал Ренх-сат склоняется перед мощью твоей, о повелитель двух миров, и благодарит за милость, проявленную тобой! – медоточиво говорил молодой тха-нор Арвехши, кланяясь и сам. – Я передал ему шкатулку с сетью Лесидия. Ренх-сат клянется, что оружие Нервы не будет лежать без дела и соберет свою жатву во славу твою. И третий раз обещает: шкура змея-

колдуна будет подарена тебе, дабы ступал ты по ней к трону нового мира. Благодарит Ренх-сат и за бойцов-невидши, которых ты прислал ему и просит принять дары, которые, конечно, пыль по сравнению с твоей милостью: десять сундуков с золотом и десять сундуков с драгоценными камнями...

– ... Герцог Дармоншир присоединился к своей армии, – докладывал Стрелковский королеве, – по нашим прогнозам, основное столкновение с противником, окопавшимся между герцогством и столицей в графстве Нестингер, произойдет через семь-десять дней, максимум – через две недели. По данным наших агентов и анализу спутниковых снимков, командующий иномирян продолжает создание широкой полосы укреплений и накопил в графстве огромное количество инсектоидов и войск, почти в три раза превышающее по численности дармонширскую армию. Конкретные цифры в аналитической записке, – он кивнул на папку, лежащую перед Василиной. – При худшем сценарии, если войска герцога потерпят поражение (а аналитики службы внешней разведки говорят, что вероятность этого высока, особенно если врагу удастся вновь нейтрализовать самого Дармоншира), в течение месяца следует ждать продвижения иномирянской армии со стороны Инляндии к Иоаннесбургу и открытия третьего фронта на западе Рудлога.

– Военная разведка согласна с этими прогнозами, – поддержал Стрелковского министр обороны. – Дармонширская армия крепко сбита, имеет огромный боевой опыт и мотивацию, существенную магическую поддержку, поддержку берманских и эмиратских подразделений. Но в воздухе по-прежнему доминируют иномиряне, и дармонширцам, как и раньше, остро не хватает артиллерии и боеприпасов, несмотря на существенную помощь орудиями из Бермонта.

– Геннадий Иванович, но мы ведь ранее предполагали отправить Дармонширу подкрепление в размере... – Василина полистала свои записи, – ...двадцати тысяч пехоты и сотни орудий. Но это было до Угорского котла, в котором мы понесли огромные потери. Есть ли сейчас такая возможность?

– Нет, но мы ее изыщем, ваше величество, – пообещал министр Лосев. – Дармоншир фактически уже несколько месяцев прикрывает наши западные границы и не дает иномирянам осложнить нам обстановку в центре. Нам разумнее сейчас усилить его армию несколькими батальонами и помочь победить, чем потом терять сотни тысяч солдат на границе с Инляндией...

– ... Генерал Тенш-мин движется к столице страны, называемой Рудлог, мой повелитель, и припадает к твоим стопам, умоляя простить его за сына, который проиграл свою битву и не сумел захватить отведенные ему земли от гор до моря. Тенш-мин целует край твоих одежд и нижайше просит простить и его за то, что не дошел еще до столицы: страна очень большая, и нужны декады декад, чтобы пересечь ее. Но он придумал хитрость: тайно отправляет вперед, к городу колдуньи-правительницы, отряды норв на раньярах с манками, которые прячутся в лесах, а в захваченных городах накапливает тха-охонгов и умелых наемников. В условленное время каждый лазутчик призовет по три тха-охонга с десятком воинов на каждом, а внезапной атаки сотен тха-охонгов хватит, чтобы пройти по улицам столицы до дворца колдуньи и свергнуть ее...

– ... Основная причина больших потерь наших войск под Угорьем и в целом на Юге – это постоянно восполняемое поголовье тха-охонгов, – докладывал королеве министр обороны Лосев. – В местах боев обнаружено большое количество так называемых манков, уже треснувших и непригодных для вызова новых инсектоидов. Возможно, их разбивали специально, чтобы они не достались нашей армии. Хорошо, что счет манков идет на сотни, а не на тысячи. Способность тха-охонгов перемещаться, их убийность и время, которое нужно затратить на

уничтожение, играют против нас, и пока нам нечего этому серьезно противопоставить. Одно радует: благодаря работе с пленными в ведомстве полковника Тандаджи мы уже знаем, что один манок способен приманить не более трех инсектоидов.

Василина вопросительно взглянула на начальника внутренней разведки.

– Эту информацию удалось получить недавно, – объяснил Тандаджи ровно. – Простые пленные наемники невежественны и не имеют представления о работе иномирянских артефактов. Но на Севере удалось захватить высокопоставленного тха-нора, с которым работает наш специалист-психолог. Помощница Игоря Ивановича, – он едва заметно повел головой в сторону Стрелковского, – капитан Дробжек.

Василина кивнула, показав, что вспомнила, о ком речь.

– Ей удалось вывести его на сотрудничество, – продолжал Тандаджи, – и он стал важным источником информации. Оказалось, что манки – это гортанные выросты самок тха-охонгов, и их не так много, потому что самок берегут на размножение и убивают для изъятия манков тогда, когда они уже неспособны на откладывание яиц. От использования на воздухе манок приходит в негодность – в гортани он постоянно смачивается слюзью, а вне ее способен работать три, максимум, четыре раза. Затем от вибрации разрушается.

– Но и трех раз много, – мрачно заметил Байдек.

– Также самки тха-охонгов помечают свой «гарем», партнеров, специальным секретом, чтобы на призыв самки отзывались только самцы ее стаи. Этот секрет тоже изымается после убоя и используются для направленного призыва – таким образом можно призвать конкретного инсектоида. С десятком бойцов верхом, например.

– Или любым другим грузом. Оружием. Взрывчаткой, – добавил Стрелковский.

– Именно, – согласился Тандаджи. Видно было, что они это уже обсуждали. – Добавьте сюда сведения, что в ближайших к нам захваченных городах накапливаются отряды наемников на тха-охонгах. И информацию от жителей деревень по нашу сторону фронта, которые несколько раз ночами слышали шум единичных раньяров, направляющихся в сторону столицы. Вывод неутешителен.

– Нападение на столицу? – Мариан подобрался, похолодел. Василина еще до того, как повернулась, почувствовала от него волну животной агрессии и желание прямо сейчас схватить ее и унести подальше. Глаза его пожелтели, но Байдек тут же рвано выдохнул, опустив голову, а когда поднял ее – цвет радужек снова был привычно-синим.

– Возможно, – сухо отозвался Тандаджи. – Мы ищем раньяров, но, скорее всего, днем их скрывают в лесах. Не исключено, что стрекозы просто забросили ближе к Иоаннесбургу диверсантов в туринской одежде и вернулись обратно. Управление разрабатывает все варианты: диверсии на военных заводах, захват заложников, просто разведка. В том числе и формирование ударного кулака для нападения на Иоаннесбург.

– Я считаю последнюю версию крайне вероятной, – проговорил министр обороны. – Мы, имея подобный убойный ресурс со способностью к телепортации, безусловно использовали бы его для преодоления линий обороны и захвата столицы и правителя. Поэтому мы сейчас активно наращиваем воинский контингент в Иоаннесбурге, оборудуем дополнительные точки обороны, проводим среди граждан учения по эвакуации. Но в городе мы ограничены в использовании артиллерии и минных заграждений, которые крайне эффективны против инсектоидов. Если на улицах возникнут сотни тха-охонгов с наемниками, то здесь, несмотря на все приготовления, наступит хаос. И пусть щиты дворца непроницаемы – ни Рибенштадт, ни Лаунвайт это не спасло.

– Но у них не было огнедухов, – медленно сказал Байдек. – Марина Дармоншир с помощью огнедухов смогла отстоять свой замок. И в Угорье огнедухи сыграли свою роль. А у нас при казармах их почти три десятка. Фактически они сами привязались к дворцу.

– И, если верить Яснице, они вполне способны несколько часов провести вне места привязки, – добавила Василина.

– Я слышал о ваших подопечных, ваше высочество, – признал министр обороны, – но насколько они управляемы? Способны ли действовать организованно, подчиняться командам и выполнять приказы?

– Я позабочусь об этом, – пообещал принц-консорт.

...Мой повелитель! Победоносный генерал Манк-теш, завоевавший для тебя страну, называемую Блакорией, воссоединился с войсками Виса-асха и сообщает, что готов сделать то, что не сделал Виса-асх и захватить те земли Рудлога, которые потерял он. Если велишь, он пойдет в наступление во славу твою.

– Передай Манк-Тешу, что он радует меня, – проговорил император, одобрительно улыбаясь, – и в ближайшие декады, после того как откроются все врата и боги выйдут в новый мир, у него будет возможность вернуть земли, утерянные Виса-асхом. Но до тех пор его дело – охранять врата в Блакории пуще своего сердца. Ни одни врата больше не должны быть закрыты, ни через одни сюда не должны пройти вражеские солдаты...

Тха-норы, стоявшие у стен шатра, склонили головы, поглядывая на пожилого и угрюмого генерала Тмир-вана, который, как и все военачальники, сидел перед тронном Итхир-Каса, скрестив ноги и положив ладонь на меч в знак готовности пойти в бой. Именно через врата, охраняемые его войсками, на Лортах пришел красноволосый колдун, которого не смогли поймать до сих пор.

Генерала Итхир-кас не тронул, но память ему вывернул, чтобы посмотреть на того, кто смог обойти и его, и тысячи наемников. Увиденное и стало причиной того, что Тмир-ан остался невредим. Итхир-Кас искусно владел мечом, до сих пор мог выйти на поединок против пятерых воинов, но красноволосый чужак был стремительнее и смертоноснее молнии, а что люди могут против молнии?

– Я не велю Манк-Тешу стоять на месте, – добавил император, – если враг побежит, стоит идти следом и душить его. Но если нет, то ослаблять себя, растягивая армию для наступления, не нужно. Удержит страну Блакория до прихода наших богов в новый мир – станет ее наместником до конца жизни своей...

– ...Пусть Север сейчас очищен от врагов, моя госпожа, – говорил министр обороны Лосев, – но нам жизненно важно блокировать иномирянские войска в Блакории, а лучше – быстро продавить их к побережью, освободив Рибенштадт, и разбить. Да, после разгрома Виса-асха на Севере сформирована мощнейшая рудложско-бермонтская армейская группировка, но наши тылы со стороны Лесовины фактически обнажены. Если верно то, что сказал вам император Хань Ши, и в провинции Сейсянь будет открыт следующий портал, то при поражении Йеллоувиня мы рискуем получить еще один фронт, а затем и клещи. Иномирянам будет проще обойти горы и напасть на нас, чем лезть в Бермонт.

– Я доверяю вашим решениям, Геннадий Иванович, – устало сказала Василина, – поэтому поступайте так, как считаете нужным. В любом случае, полагаю, война закончится либо с открытием последних двух порталов и выходом иномирянских богов, либо с возвращением моей сестры и ее спутников. Как жаль, что у нас нет второго Четерии, который мог бы пройти сквозь портал и передать им информацию, – повторила она мысли из недавней переписки с Ангелиной.

– Владыке Четерии известно о планах Свидерского по созданию прорывного отряда, – напомнил Тандаджи, – поэтому они знают, что мы постараемся их встретить и пробить им путь. Что касается оперативной связи, то мы работаем над этим, моя госпожа, с того самого момента, как стало известно, что Матвей Ситников имеет ментальную связь с вашей сестрой.

Но, увы, пока результатов нет, поэтому информировать не о чем. Могу, если угодно, обозначить направления работы.

Василина взглянула на часы и, стараясь, чтобы голос не дрожал от сочувствия, проговорила:

– Время еще есть. Слушаем вас, полковник.

Тандаджи равнодушно кивнул.

– Мы работаем над этой задачей совместно со Свидерским. Также привлекались специалисты из МагКоллегии. Во-первых, к Ситникову приставлен менталист: мы предположили, что при ментальном «подключении» к его снам удастся передать какие-то образы ее высочеству Алине-Иоанне. Но, к сожалению, в присутствии менталиста Ситников не видит Лортах. Мы проверяли несколько ночей, и подряд, и вразнобой. Но попыток не оставляем, пробуем разные варианты.

– А во-вторых? – поторопила его Василина.

– Из допросов Львовского, темного, который покушался на вас в лазарете, стало известно, что часть потомков Жреца несколько недель назад внезапно обрела способность в снах видеть Нижний мир, глазами своих дар-тени, находящихся там... дар-тени это половинки потомков Жреца, – объяснил он для тех, кто был не в курсе. – Они находятся и там и здесь, как принцесса Алина находится одновременно в двух мирах.

Его слушали внимательно.

– По словам Львовского, небольшая часть дар-тени в Нижнем мире тоже видят сны про Туру и помнят то, что происходит здесь с их человеческими половинками. Он сам все помнит и здесь, и на Лортахе.

– То есть мы можем через того же Львовского или кого-то из темных связаться с Алиной? – неверяще спросила королева. – Это же прекрасно!

– Теоретически, – сухо ответил Тандаджи. – Но напомним, что Лортах – это огромный мир, ваше величество. На практике все дар-тени сейчас находятся у моря, в одной стороне Нижнего мира, в убежищах под защитой Жреца, а равнина с лагерем императорской армии и порталами – так далеко от них, что даже лететь туда на крыльях не меньше месяца, а то и полутора. Которых у нас нет.

– Если верить Львовскому, – заметил Мариан, который темного за покушение на супругу считал не менее достойным казни, чем Черныша.

– Мы, естественно, перепроверили его слова, – невозмутимо проговорил Тандаджи, – опросив лояльных темных под клятву о неразглашении. Этим же занимались люди Его Священства, инспекторы МагКонтроля и Свидерский – у него есть знакомые на побережье, в монастыре Триединого, где находилась ее высочество Алина. Все, кто видят сны о Нижнем мире, подтверждают информацию Львовского. Они растеряны, они шокированы, но готовы помогать. В убежищах на Лортахе уже сформировались несколько отрядов, которые выдвинулись к границам защиты Жреца и ждут нашей команды, чтобы преодолеть ее. Они предлагают напасть на одну из лорташских крепостей, захватить несколько раньяров и полететь к равнине на них – это будет гораздо быстрее. Хотя никто не гарантирует, что их не перехватят по пути и что они сумеют найти в лесах у равнины ее величество Алину со спутниками.

– Все равно это же хорошие новости, – тихо сказала королева. – Разве нет? Почему вы сказали, что результатов нет, полковник?

– Боюсь, у полковника есть «но», – заметил Байдек.

– Совершенно верно, – подтвердил Тандаджи. – Мы знаем, что в том мире боги очень активны. И знаем, что защита Жреца скрывает мысли и присутствие ее высочества Алины и лорда Тротта от внимания чужих богов.

На лицах участников совещания появилось понимание. Василина, тоже все поняв, с сожалением поджала губы.

– Пока дар-тени находятся под щитом Жреца, их помыслы богам неведомы. Не подставим ли мы под удар вашу сестру и спутников, согласившись на то, чтобы дар-тени со знанием, где их искать, вышли из-под защиты? При нападении на крепость их обязательно заметят.

– Нельзя рисковать, – проговорил Мариан.

– Нельзя, – тяжело согласилась Василина.

– Поэтому дар-тени ждут, – подытожил Тандаджи. – Но мы ищем варианты, ваше величество. Например, арестованный Львовский – сильный менталист. И темный, который имеет связь с Лортахом. Он готов сотрудничать, и мы продумываем способ безопасно доставить его к Ситникову. Возможно, ему удастся поработать с ним во сне. Но проблема в том, что я ему не доверяю. Однако в бункере нашего управления содержится еще один сильный темный, возможно, удастся склонить к сотрудничеству его – он не агрессивен, но отказывается говорить. Пока это все детали, которыми я бы не хотел вас утомлять. К сожалению, как я и сказал, результата нет.

Когда совещание закончилось, королева попросила Тандаджи задержаться – и он остался стоять у двери, недвижимый и монолитный, как кусок холодного камня.

– Мне сообщили о гибели вашего сына, полковник. Я бесконечно сочувствую вам и вашей супруге, – сказала Василина, волнуясь. Лицо тидусса, всегда равнодушное и спокойное, не могло стать еще недвижимей – но стало, словно все мышцы на нем закаменели. – Если вам нужно несколько дней провести с семьей, пожалуйста...

– Благодарю, ваше величество, – ровно ответил Тандаджи. – Мы уже попрощались с Диди. Я продолжу работать. Чтобы другие дети остались живы.

Он поклонился и вышел, не дождавшись разрешения королевы – и эта рассеянность была единственным, чем он проявил ту боль, которая плескалась сейчас в нем.

* * *

Майло Тандаджи, пройдя по залу Управления мимо затихающих сотрудников, глянул на двери к Стрелковскому, но все же направился к себе – нужно было подумать в тишине. В кабинете он сыпанул в кружку с надписью «Спокойствие побеждает все» кофе, залил кипятком и, морщась от противного вкуса, опустил в кресло.

Приедет домой и сварит себе настоящий. С корицей и солью, такой, какой любил Диди. Сварит для себя, для матушки, для Таби и невесток...

...Надо было плюнуть на честь и гордость и держать сыновей здесь, под боком. Они так же служили бы Рудлогу, но Диди был бы жив...

И кто-то другой погиб бы в Угорском котле.

Тидусс закрыл глаза, закинул в глотку остатки обжигающей горькой бурды – и, выдохнув, смахнул набежавшие слезы. К дурман-траве он не прикасался специально, чтобы не осквернять память о сыне, не притуплять ее, а вот дрянной кофе позволял отвлечься и сосредоточиться.

Итак, все попытки ментально «подключиться» и передать информацию Алине Рудлог через Ситникова провалились. Возможно, смог бы помочь Хань Ши или его старший сын, но один сейчас в районе провинции Сейсянь, где ждут открытия следующего портала, а второй остался во главе империи, да и чтобы добраться до Рудлога, потребуется немало времени – Зеркала и телепорты не работают.

Свидерский с Алмазом Старовым обещали заглянуть к Дорофее сегодня ночью и попробовать воздействовать на Ситникова вдвоем. Можно было бы привлечь на помощь и Черныша, но рисковать, подпуская ничем не брезгующего мага к двоим, от которых зависит судьба Туры, не решился никто.

Тандаджи, поколебавшись, насыпал себе еще кофе и, помешивая ложечкой кипяток, пошел к Стрелковскому.

Игорь сидел за столом с аккуратнейшим образом разложенными бумагами и папками и, просматривая досье с секретной лазурной лентой наискосок, тоже пил кофе. На его плече была траурная фиолетовая лента – Стрелковский знал сыновей Тандаджи с их детства и разделял его горе. Увидев коллегу, приветственно махнул рукой: присаживайся.

– Я ненадолго. Хочу одолжить у тебя Дробжек, – сообщил тидусс, оставшись у входа. – Надо разговорить и привлечь к сотрудничеству еще одного молчуна. Который в бункере у Дорофеи сидит.

– Уперся? – понимающе проговорил Стрелковский.

– Скорее, закрылся, – поправил его Тандаджи. – Апатия, общается только со священником, исповедовался ему. Жаль, что служитель принципиален и тайну исповеди хранит стойко.

– Он и не может рассказать, – Игорь потерял шестиугольный знак Триединого, висевший на цепочке на шее. – Расскажет – потеряет силу. А записать не пробовали?

– Ты ли мне это предлагаешь? – едко спросил Майло.

Стрелковский усмехнулся.

– Греха на служителя тогда не будет.

– Увы, – так же едко продолжил тидусс, – отец Олег не только принципиален, но и умен. Использовал щит на время исповеди. Поэтому мне и нужна Люджина.

– Я только за, – проворчал Игорь. – Хотя ко всем допросам ее привлекай, главное, чтобы избавилась от мысли поехать к матери. А то получит от нее письмо и затем ходит задумчивая – на лбу написано, что размышляет, не податься ли ей обратно на Север, к партизанам.

– Люджина – разумная женщина, – напомнил Тандаджи. – Где она сейчас, кстати?

Игорь взглянул на часы – половина одиннадцатого утра.

– Через полчаса появится. Она сейчас консультирует как психолог в пансионате при Первом военном госпитале, – Стрелковский встал, чтобы долить себе кофе. – Каждый день там утром и вечером.

– А ты говоришь, уйдет на фронт, – усмехнулся тидусс. – Она себе свой фронт нашла здесь, полковник.

– Дай-то боги, – буркнул Игорь. Посмотрел на свои бумаги. – Ты ее прямо сегодня хочешь направить к Дорофее, Майло?

– Чем скорее, тем лучше. Появится – выделю сопровождающего и пусть едет. Нужно пробовать все способы передать послание в Нижний мир, да и об остальных заговорщиках следует выудить максимум информации. У Макроута в голове все так же заперто, как у Львовского, но тут крошка сведений, там крошка... сам понимаешь, пока не выловим всех, есть опасность, что покушения на королеву будут продолжаться. Несмотря на утверждения Львовского, что их больше не будет.

– А если прижать Черныша и заставить снять блоки и Львовскому, и Макроуту?

– Отказывается, – с досадой поморщился Майло. – Свицерский поторопился с магдоговором: про снятие блоков там ни строчки. И не заставишь Черныша теперь. Амнистия.

– Мага такой силы в принципе сложно заставить что-то сделать, – заметил Стрелковский мрачно. Постучал пальцами по пустой кружке. – Я, пожалуй, сам отвезу Люджину к Дорофее. Мне надо проветрить голову, засиделся я в кабинете. Покажу ей дорогу, чтобы завтра, если понадобится, могла доехать сама.

Глава 6

25 апреля, Иоаннесбург, Люджина

Звонок от Тандаджи раздался, когда капитан Дробжек уже подъезжала к стоянке Зеленого крыла. Люджина, выслушав просьбу, заторопилась. Нужно было встретиться со Стрелковским и успеть перекусить перед дорогой, ибо завтрак был давно, а приступ голода мог напасть теперь в самый неподходящий момент.

Теперь она вставала в шесть – чтобы успеть в пансионат к семи и провести две-три консультации, но ее это не утомляло: в детстве на утреннюю дойку или на сенокос приходилось и раньше вставать.

Сонливость, сопровождавшая ее в начале беременности, прошла, тело после декабрьских событий в Бермонте постепенно вернуло свой вес, живот на шестой месяц сильно округлился, но чувствовала она себя так легко, будто снова была двадцатилетней курсанткой. Разве что прошлогодние переломы еще ныли на погоду, да к вечеру ноги становились тяжеловаты.

Только на душе было муторно – в пансионате при Первом госпитале восстанавливались не только раненые солдаты, но и бывшие пленные рудложцы, которым удалось сбежать или которых отбили свои, и беженцы, получившие по пути к Иоаннесбургу травмы или ранения. Было там и детское отделение, в котором находились раненые дети.

Но с детьми Люджина не умела работать и не могла. Первое правило психолога – отстраняться, уметь дистанцироваться от горя, беды, иначе быстро выгорешь, пропуская через себя. Со взрослыми у нее получалось, хотя беременность брала свое и эмоции иногда захлестывали с головой, до слез, а с детьми – нет.

Дробжек поначалу ездила в пансионат по просьбе матери – навещала «ее» партизан и медсестру Элишку, потерявшую мужа и перенесшую издевательства иномирян. Северян выпи-сали в пансионат из Королевского лазарета – восстанавливаться. Элишка и стала первой пациенткой Люджины – а затем к капитану подошла женщина, чудом сбежавшая из колонны будущих рабов, отправляющихся к порталу в Нижний мир, следом боец, единственный выживший из своего отряда... и после общения с начмедом госпиталя Люджину включили в штат пансионата психологом на четверть ставки.

Теперь по пути из пансионата в Зеленое крыло она всегда останавливалась у моста через Адигель и некоторое время стояла там, вдыхая влажный речной воздух, глядя на уходящий вдаль по берегам зеленый цветущий Иоаннесбург, который уже полностью вступил в пышную весну средней полосы, и отдавая текущей воде, темным водоворотам у опор моста и ветру все то горе, которое самой Люджине отдали сегодня.

С Игорем они теперь виделись большей частью на работе – хотя с вечерних консультаций капитан возвращалась не раньше десяти, полковник засиживался сильно допоздна, мог прийти за полночь, когда Люджина уже спала. А утром она вставала раньше него.

Она знала, что Игорь продолжает колоть иглы – ибо он клал мешочек с ними перед зеркалом в ванной. В те редкие моменты, когда они вставали вместе, Люджина с содроганием слышала, как колотит он от боли кулаками в стену и приглушенно стонет. Но больше в ванну не врвалась.

Игл оставалось всего несколько штук.

Но раз в неделю Стрелковский старался уходить с работы пораньше – и тогда они вдвоем заезжали сначала в собачий приют, а затем к старенькой «бабушке» королевы Полины-Иоанны Тамаре Марковне, чтобы помочь ей с уборкой и купить продукты. Тамара Марковна ждала их, как дорогих гостей, приглашала на встречи других старушек и стариков из своего дома,

которые делились проблемами, – так постепенно Игорь и Люджина взяли шефство над всеми, кому в этом доме требовалась помощь.

На следующий день около четырех вечера Игорь Иванович обязательно звонил Полине прямо из Управления. Люджина периодически заставляла эти звонки – он рассказывал дочери и про собак, и про стариков, и что-то объяснял по следовательской работе. Обязательно говорил о том, что известно про Демьяна Бермонта, хотя у королевы наверняка лежали доклады из Бермонтской службы безопасности. Но несколько раз он не успевал вернуться в кабинет из-за срочных дел – и тогда просил ответить Люджину.

И как-то так получилось, что королева Бермонта стала общаться с Дробжек чаще и больше, чем со Стрелковским. Люджина узнала, что утренние вкалывания игл у Игоря проходят не зря – Полина говорила, что бодрствует все больше, что засыпает теперь после одиннадцати вечера. Но просыпается, как раньше, в полдень.

Полина Бермонт была приветливой, жизнерадостной и контактной. Она периодически звонила лично Люджине «на минутку», открыто смеялась в трубку, слушая о проказах собак, благодарила за помощь «своей» бабушке. Иногда, по всей очевидности, у королевы оказывалось больше свободного времени – и тогда она расспрашивала Люджину про Стрелковского, живо интересовалась, чем занимается сама капитан.

– Я не слишком вас отвлекаю? – спросила она как-то. – Я скучаю по дому, и пусть даже каждый день общаюсь с родными, мне все равно мало, понимаете?

– Понимаю, – спокойно ответила Люджина. – Для вас Рудлог – это ваши корни, и вы всегда будете находить в нем силу. Поэтому вам так важно иметь здесь как можно больше корней.

– Именно, – рассмеялась Полина и больше к этому не возвращалась.

Она очень внимательно слушала про нынешнюю дополнительную работу северянки и о том, как необходима жертвам войны помощь в лечении душевных ран. Люджина, конечно, не делилась частной информацией, но и общей о тех, кто перенес насилие или плен, было вполне достаточно, чтобы ввести в печаль кого угодно.

– Я не расстраиваю вас, ваше величество? – уточнила Дробжек в один из таких разговоров, который проходил в кабинете Стрелковского.

– Нет, мне очень интересно, – заверила ее королева со странной задумчивостью. – Если бы я не вышла замуж за Демьяна, я бы хотела заниматься тем, чем занимаетесь вы, капитан.

– Вы слишком активны, ваше величество, – улынулась Люджина в трубку. – Вам, как и Игорю Ивановичу, нужно движение, а профессия психолога предполагает долгое сидение на одном месте. Так что, полагаю, вы бы быстро передумали.

– Это верно, – рассеянно откликнулась Полина. И словно решила: – Капитан, вы говорите, что жертвам насилия нужно прожить его, проговорить, переработать, выплеснуть все эмоции на врага. А если... если близкий человек повел себя так? Например, в результате болезни... или заклятия. Врага можно убить, можно уничтожить и, отомстив, успокоиться. Но что, если он – не враг, и ты точно знаешь, что он никогда бы пальцем тебя не тронул? Прощаешь, но при этом не можешь забыть... и не получается довериться, как прежде. И любишь, и понимаешь, а все равно внутри словно запрет какой-то стоит... Это я для примера, конечно, – добавила она горько.

– Я лично не сталкивалась с ситуациями, когда жертва проклятия причиняла вред своим близким, – Люджина не ожидала этого разговора, и от мгновенного напряжения, необходимости собраться у нее запульсировала венка на виске, – но мне известно о таких случаях. Мы разбирали их при обучении, да и в специальной литературе попадались.

– Расскажите, – непривычно тихо попросила Полина. – Как с этим справлялись?

– Все ведь очень индивидуально, ваше величество... секунду... – Дробжек все-таки сделала паузу, чтобы собраться с мыслями, вспомнить все, что знает о Полине Бермонт, и понять,

имеет ли право в отсутствие опыта отреагировать на этот подспудный запрос о помощи. Скинула ботинки, чтобы дать отдых отекившим ногам, погладила живот под широким синим платьем: сын пинался со всей дробжековой силой.

Когда Игорь прилетел на хутор, чтобы позвать северянку на помощь в Бермонт, он рассказал, почему королеве Полине понадобилось присутствие гвардии и агентов из Рудлога. И, скрывая переживания за резкостью и сухостью слов, упомянул, что Полина была сильно ранена супругом.

Но и не скажи он об этом – Люджина все равно все узнала бы в замке Бермонт. Про случившееся в ночь свадьбы со страхом шептались слуги, вполголоса, с сочувствием и восхищением, говорили придворные и берманы-гвардейцы. Говорили, что красная принцесса, настоящая дочь Вечного Воина, спасла Бермонт от эпидемии бешенства, что не побоялась увести зараженного и обезумевшего до звериного состояния мужа в часовню Хозяина лесов, а Демьян Бермонт чуть не разорвал ее, когда нагнал, – ведь королевские покои после были все в крови. И платье ее величества тоже.

Что случилось в часовне, не знал никто – кроме того, что невеста короля вышла оттуда его женой и королевой Бермонта. Оттого и приняли ее и старейшины, и гвардия, и верные королю кланы. И варранты, духи земли.

Много тогда говорили и разного, но королева Полина так фанатично, яростно горела целью вылечить супруга, так очевидна была ее любовь, что все сошлись на мысли: король успел жену ранить, но в часовне под присмотром первопредка бешенство на время отступило и на алтарное ложе они с королевой возлегли как должно, в уважении и мыслях о наследнике.

– Будь иначе, разве билась бы она так за него? – сказала леди Редьяла, мать Демьяна, когда вышивала в кругу своих фрейлин, и слова эти разнесли по всему замку и за его пределы, и приняли, что так и было.

А что случилось на самом деле, какую боль хранила в своей памяти молодая королева, совсем девчонка еще? В той своей битве она, очевидно, не думала о себе. Но сейчас, когда тело стало восстанавливаться, когда организм залечил повреждения, и все более-менее наладилось, видимо, дали о себе знать и душевные раны. Телесные могут зажить, но что делать со страхом, с отторжением произошедшего, с горем и болью, которые остались внутри? Они могут никогда не пройти без сторонней помощи и даже через десятки лет терзать, всплывая в самых необычных проявлениях и мешая жить.

Капитан Дробжек сама иногда, ощущая, как прижимается к ней ночами Игорь, вспоминала слова, сказанные ей после их первой близости на Маль-Серене: «Вы мне не нужны! Я никогда не полюблю вас, понимаете?» Она приняла это и четко знала, на что шла и что делает сейчас. Но это не значит, что ей не бывало больно.

Люджина не была гениальным опытным психологом, никогда не считала это своей основной работой и практику имела небольшую – в основном с военными, с бойцами, пережившими ужас, нападение нежити, потерю соратников. И знала, что слишком любит в работе своей проводить терапию через кризис, и деликатности в ней мало – недаром в начале напарничества Игорь требовал от нее быть помягче, поконтатнее. Но отказать тем, кто просил ее помощи, не могла.

– Любоой страх, – наконец решила она, тщательнейшим образом подбирая слова, – опирается на отсутствие контроля и неуверенность в безопасности. Кому-то из пострадавших помогало просто осознание того, что не сам проклятый причинил боль, а его проклятие. Есть специальные методики разделения человека и его болезни или проклятия, но их обязательно нужно прорабатывать со специалистами... Кому-то требовалась длительная работа, чтобы почувствовать себя в безопасности. А кому-то понадобилось вмешательство менталиста – забыть все, что случилось. Или сенсуалистки из потомков Богини, чтобы притушить боль, сделать ее терпимой, туманной. Скажите, – она поколебалась, далеко не уверенная в том, что

поступает правильно, – а в вашем примере обсуждаемая персона точно уверена, что в обычном состоянии проклятый бы пальцем ее не тронул?

– Конечно, – уверенно и резко заявила Полина. – Кон... – она вдруг сбилась, словно что-то вспомнив. Помолчала и тяжело вздохнула. – Люджина. Скажите, наш разговор не прослушивается?

– Это рабочий телефон Игоря Ивановича, – напомнила Дробжек, – полагаю, защищенное его в Управлении только телефон Тандаджи.

– Хорошо, – королева снова вздохнула. – Поговорите со мной. Вы ведь поняли, что я говорю про себя? Ведь поняли, капитан?

– Да, ваше величество. Ваш супруг сильно поранил вас, я знаю.

– Да... поранил.

Дробжек заметила эту паузу и едва заметно перевела дыхание – чтобы проглотить, утихомирить жалость, плеснувшую слезами в уголки глаз. Раскалывать иномирянских пленных было куда менее сложной задачей, чем та, что вставала перед ней сейчас. И она обязана была предупредить:

– Ваше величество, я должна предложить вам обратиться к более опытному специалисту, с которым вы сможете общаться лично, а не по телефону. Визуальный контакт очень важен, работа, возможно, будет долгая, а из-за войны мы не сможем встречаться.

– Я думала об этом, но мне нужен кто-то, кому я абсолютно доверяю, – неожиданно жестко проговорила Полина. – Вам я доверяю, капитан. Вы многое знаете обо мне. Вы спасли меня дважды, вели мое дело, скоро родите мне брата... и вы женщина. Не представляю, с кем еще я смогу свободно пообщаться, кроме родных. Я хочу справиться с этим, понимаете? Я люблю своего мужа, я хочу быть с ним, он мой! И я ненавижу свой страх, который не дает это сделать. Вы правы, правы насчет чувства безопасности, – она говорила торопливо, и Люджине оставалось только слушать, – был еще один случай, осенью. Я забралась к нему... вы же знаете, чем я занималась. Он тогда едва не убил меня – но берманы ведь все звереют, когда дело касается их территории. Он очень сильно меня напугал, очень. Абсолютно потерял контроль. Но ведь успел остановиться, сумел взять себя в руки – сумел, и я поэтому верила, что одного моего голоса всегда будет достаточно, чтобы остановить его!..

В кабинет вошел Стрелковский, увидел Люджину с телефоном – но она взглядом пресекла его попытку заговорить. Указала глазами на трубку, покачала головой, кивнула обратно на дверь.

Он без слов подхватил со стола какие-то папки и вышел.

– ...Одного моего слова! – с отчаянием говорила Полина. – Моей любви! Знали бы вы, как он умеет сдерживать себя, как он сдерживался до свадьбы. Я верила, верила! Что, несмотря на то что в берманах столько звериного, инстинктивного, Демьян никогда не сделает мне больно! Но он сделал.

– И теперь вы боитесь, что в любой момент это может повториться.

– Я не боюсь, – проговорила Полина убежденно. – Умом не боюсь. Я вижу, как он мучается, как тяжело ему оттого, что он сотворил это со мной. Вижу, как меняет свои принципы ради меня. Знаю, что в разумном состоянии никогда не тронул бы. Но в какой-то момент рядом с ним начинаю цепенеть. Тело боится.

– Потому что тело не поддается логике и уговорам, ваше величество. Оно работает на инстинктах. Огонь обжиг – рука дергается от огня. Можно пересилить себя и сунуть руку в огонь, но так и с ума сойти можно.

– Но ведь что-то можно сделать? – упрямо спросила молодая королева. – Один добрый и очень мудрый старик сказал мне ждать. Но я ведь не умею просто ждать.

– Ни один психолог не укажет вам, что делать и как жить, иначе это плохой психолог, – Люджина чуть повернулась в кресле набок, ибо затекла спина. – Но есть методы, которые поз-

волят вам самостоятельно прийти к решению и сгладить травму. Для начала спрошу – вы точно не хотите воспользоваться услугами менталиста?

– Нет! – без сомнения ответила Полина. – Я не хочу ничего забывать. Все, что случилось со мной, – моё, плохое или хорошее. Забыть – это слабость. Это не для меня.

– А обратиться к сенсуалисткам? Вы ведь сможете лично попросить о помощи даже царицу Иппоталию.

Полина поколебалась.

– Если я не справлюсь сама, я так и сделаю, Люджина.

– Не вы сама, – мягко проговорила Дробжек. – Это ваша с супругом беда. Вам двоим с ней справляться. Но именно ваш муж должен убедить вас в том, что он всегда будет безопасен. Это его сфера ответственности.

– Он это понимает, – грустно сказала Полина. – Несмотря на то что сейчас далеко, балует. Изображает строгость, но все делает, что я попрошу.

– Вам это не нравится.

– А вам бы понравилось? Если я скажу, что для помощи мне ему нужно выдернуть свой позвоночник, он это сделает, капитан.

– Постараемся обойтись без этого, – пообещала Дробжек серьезно, и Полина вдруг засмеялась. Смех этот Люджина восприняла с облегчением – там, где нет надежды, нет и смеха.

– Демьян придумает что-нибудь, – проговорила королева, отсмеявшись. – Война закончится, он вернется и точно придумает.

– Вы очень верите в него, ваше величество.

– Я прекрасно понимаю, что наш мир могут захватить, что Демьян может погибнуть, но не хочу думать об этом, – очень по-взрослому объяснила Полина. – Я живу с верой в победу – иначе наш разговор не имеет смысла. Да и все, чем я сейчас занимаюсь, не имеет. Демьян делает все, что он может, для Бермонта, для мира и для меня. А я хочу сделать то, что доступно мне. Понимаете?

– Конечно.

– Тогда помогите мне.

– Вы уже сами себе помогаете, – Люджина старалась говорить еще мягче. – Скажите, вы еще кому-то рассказывали, кроме меня?

– Да. Сестре, совсем недавно. До этого не могла... просто не могла.

– Это хорошо, что возникла потребность рассказать, – Люджина, с наслаждением ступая босыми ногами по холодному полу, подошла к окну, – обязательно говорите о случившемся. Выход из душевных травм – это большая, долгая работа, и поддержка близких в это время очень важна. Если не с кем поговорить, а желание есть, записывайте, перечитывайте и жгите. Каждый раз, когда вы с кем-то делитесь, проговариваете, прописываете, боль становится чуть легче, ваше величество.

– Это я уже заметила, – согласилась Полина.

– А с супругом вы обсуждали то, что случилось? – капитан распахнула створки и с жадностью вдохнула свежий воздух. Сердце стучало: не ошибись, не ошибись.

– Он говорил со мной. Но мне невыносимо было вспоминать, больно, к тому же он все-таки выжил, у меня все вышло... я так счастлива была, что не хотела вспоминать.

– Но ведь вы имеете право на эмоции. На обиду, злость, непонимание, ярость по отношению к вашему мужу. То, что он тоже жертва, не делает вашу боль меньше.

– Я не испытываю ничего подобного, – резко заявила Полина.

– Вы не считаете его виноватым.

– Нет! – выкрикнула королева и замолчала, тяжело дыша. А потом заговорила сбивчиво, задыхаясь, словно глотая и загоняя внутрь слезы:

– На самом деле он виноват, конечно, виноват. Он мог не проводить боев, мог послушать Тайкахе. Он говорил – верь мне, и я верила. Но что мне сейчас это даст? Демьян сам все знает и сам себя казнит. Я не хочу делать ему больнее. Не хочу!

– Не нужно, не нужно, – тихо, успокаивающе забормотала Люджина, словно укачивая ребенка, и тяжелое дыхание с той стороны стало затихать. – Не хотите пока говорить – не нужно, скажете, когда будете готовы и если будете готовы. Невысказанные эмоции тоже могут быть причиной блока, ваше величество. Не говорите. Но постарайтесь вытащить их на солнце и хорошенько рассмотреть. Осознание – первый шаг к спокойствию. Запишите чувства, которые испытываете, когда вспоминаете тот день. Но в особой форме. «Я испытываю недоумение, потому что...», «Я испытываю усталость, потому что...» Придет время, и вы сможете открыть их мужу и попросить его рассказать о своих. Вы мучаетесь старой болью, он – чувством вины. Открытый разговор позволит вам двоим работать над вашей общей бедой. Обнулить ее, не обесценив при этом.

– А еще есть что-то? – тяжело спросила Полина. Она уже успокоилась, но голос еще подрагивал.

Капитан поколебалась и все-таки предложила:

– Спросите себя, что могло бы вас убедить в том, что вы рядом с мужем в безопасности? Ответ вы обязательно найдете, ваше величество. Он обязательно к вам придет. И не отказывайтесь, какие бы дикие идеи ни приходили, хорошо? Пусть для начала это будет не глобальная, пожизненная безопасность, а хотя бы локальная, в определенный момент, в определенной ситуации. Так вы сможете успокоить подсознание и постепенно закрыть тяжелые воспоминания хорошими. Переиграть ситуацию в безопасности.

– Я понимаю, о чем вы, – проговорила королева Бермонта. – Это как если ты сорвалась с альпинистской стенки и получила переломы, то, чтобы преодолеть страх высоты, в следующий раз нужно ползти со страховкой и щитом вниз.

– Примерно так, – согласилась Люджина с облегчением. Пик миновал. – Можно сжечь место страха, а можно сделать его местом радости и безопасности. Обе методики работают, обе являются способом уничтожения плохой памяти, но каждому человеку подходит своя. Переигрывание, переформирование старой боли – довольно рискованная методика и не всегда возможная. Применять ли ее – только вам решать.

– Мне нравится эта идея, Люджина.

Северянка улыбнулась.

– Вы – человек дела, а не рефлексии, ваше величество. Я знала, что вам понравится.

Когда королева Бермонта попрощалась и отключилась, Люджина осталась стоять у окна, сжимая трубку. Спина и лицо были мокрыми от напряжения, а ноги болели так, будто она ступала по тонкому льду.

С тех пор они общались уже несколько раз. Полина могла посреди беседы словно невзначай уточнить что-то по случившемуся разговору и, получив ответ, быстро вернуться к основной теме. Люджина ни о чем не спрашивала: если понадобится, королева сама попросит помощи, а до тех пор не стоит вмешиваться в сложную работу, которая, по всей видимости, шла сейчас в душе Полины Бермонт.

* * *

Игорь был за рулем, а Люджина, сидя рядом, листала досье на барона Дугласа Макрута, подготовленное подчиненными Стрелковского.

С фотографии, сделанной уже в бункере, на нее смотрел угрюмый мальчишка с военной выправкой и неожиданно развитыми плечами. Двадцать один год, темный, в роду одни темные,

легализованный. Поместья и земли в Блатории, до того, как пропал из виду, учился в военной академии Рибенштадта.

– Преподаватели академии, которых удалось найти, характеризуют его исключительно с положительной стороны, – прочитала она вслух.

– Господин Смитсен тоже считался положительным во всех отношениях, – пробурчал Стрелковский, – а Соболевский, который чуть не прикончил нас на Хартовой сопке, – обаятельнейшим и деликатнейшим человеком. Пожалуй, единственный из темных, про чей невыносимый характер я знаю лично – это профессор Тротт.

– Он мне показался очень приятным, – Люджина с удивлением подняла глаза от досье. – Немного строгий, но настоящий мастер своего дела. Но я всегда испытывала слабость к профессионалам.

– Я это уже понял, – усмехнулся Игорь с теплотой, и она рассеянно взглянула на него и пожала плечами, словно говоря «что есть, то есть». Чуть отодвинула кресло назад, с наслаждением вытянув ноги, и снова погрузилась в чтение. Живот ее торчал уже угрожающе, и Игорь вел машину очень мягко, избегая рывков.

Иоаннесбург, чье население за счет беженцев увеличилось почти вдвое, казался бы привычно-деловым, если бы не попадавшиеся повсюду знаки войны. Горожане гуляли с колясками, собаками и просто так, спешили куда-то курьеры и офисные работники. Но тут же встречались патрули и блокпосты, рекламные щиты с информацией о том, где найти или предоставить помощь, как действовать при эвакуации, патриотическими призывами, фотографиями королевы и вдохновляющими цитатами из ее речей. Над крышами мелькали боевые и патрульные листолеты, на дорогах стояла или двигалась колоннами техника – и чем ближе к окраинам, тем больше.

– Дом Макроута состоял в содружестве Чистой крови, – снова подала голос Люджина.

– Это объединение остатков темных аристократических семейств, которые выжили после гражданской войны и лет через пятьдесят после нее пришли к тому, что нужно помириться и договориться о своеобразной селекции, – охотно объяснил Игорь то, что она сама могла прочитать далее. – Их представителям категорически запрещалось вступать в брак с простолюдинами и потомками других богов. Каждый год после достижения половой зрелости и проявления родовых способностей выбирали самых сильных юношей и девушек из этих семейств и обручали их, чтобы потом в браке получить сильных детей. Они верят, что таким образом может появиться темный, достаточно сильный, чтобы его признала корона Гёттенхольдов. Наш Макроут – продукт такой селекции чуть ли не в десятом поколении, и сам уже обручен с дочерью одного из родов. И он действительно силен, по словам Львовского. Это темный, который покушался на ее величество, – напомнил он Люджине.

– Львовский охотно сотрудничает с нами?

– Одинокая камера и допрос сделает желанным общением, – с профессиональным цинизмом откликнулся Игорь. – Но он фанатик, и сам рвется помочь, если это нужно для возвращения Жреца на Туру.

– Что он еще говорил про Макроута? – капитан пролистала записи в поисках допроса Львовского.

– Что он идеалист и дурень. Не был замешан в покушениях на правителей и негативно относился к ним, а также именно ему принадлежала идея совершать набеги на войска иномирян, идущие из Рибенштадта к границе с Рудлогом. Мы связались с блаторийскими военными – они подтвердили, что нападения партизан на врага имели место быть и очень помогли армии. Менталист, присутствовавший при допросе, утверждает, что Львовский не врет.

– То есть, если принимать все сказанное на веру, мы имеем молодого идеалиста, воспитанного как претендента на корону, которому пришлось стать на сторону террористов ради

высокой цели. Возможно, его подвиги на ниве борьбы против иномирян – это своеобразное искупление. Договор с совестью.

– Но почему он тогда не идет на контакт? – проговорил Игорь. Он сам мог назвать тысячу причин и пару наиболее вероятных, но ему было интересно, что скажет Дробжек, и приятно обсуждать с ней рабочие вопросы.

– По любой из тысяч причин, – вторила его мыслям Люджина, захлопывая папку. Закрывала глаза, потянулась. – Но я думаю, у него шок. Или просто стыдно, Игорь Иванович. Чтобы понять, права ли я, нужно поговорить с отцом Олегом, который исповедовал Макрота.

– Вы думаете, он откроет вам тайну исповеди? – полюбопытствовал Игорь.

– Нет, – Люджина так и осталась сидеть с закрытыми глазами, откинувшись на спинку сидения. Лицо ее было чуть припухшим, усталым, и Игорь в очередной раз подавил желание настоять на том, чтобы она дожидалась родов дома и бросила работу. – Но я и не собираюсь его об этом спрашивать. Я спрошу, как он считает – хороший ли человек Макрот?

* * *

– Хороший, – подтвердил служитель Триединого, когда они уже сидели за столом в доме Дорофеи Ивановны. Бывшая ликвидаторша поздоровалась с Игорем как со старым знакомым, пробурчав что-то вроде того, что в оружейной новые поставки, можно заглянуть, оценить. А вокруг Люджины развела настоящие хлопоты, нацедив ей огромную кружку молока, поставив на стол банку с черничным вареньем и домашний хлеб. Стрелковский и отец Олег скромно довольствовались чаем.

Впрочем, от обеда они отказались сами и не из-за опасения объесть старушку, а по причине раннего времени. На кухне Дорофее сейчас помогал повар Управления, ибо население бункера с гвардейской охраной принцессы, агентской охраной темного, врачами, сотрудниками, ведущими следствие, и прочими постояльцами, спящими и нет, перевалило за семьдесят человек, и прокормить весь этот отряд даже очень крепкой старушке было бы нелегко. Иногда она в воспитательных целях привлекала к готовке не занятых в дежурствах бойцов.

– Спасибо, – поблагодарила Люджина, намазав хлеб вареньем и откусив кусок, – очень вкусно, прямо, как у моей мамы.

– Я соберу вам с собой, – непререкаемо заявила хозяйка дома и вышла.

– Хороший мальчик, – повторил отец Олег, – который оказался на границе между добром и злом. Это все, что я могу вам сказать.

– Этого достаточно, – Люджина с удовольствием отпила молока. Живот ее ходил ходуном – ребенку, видимо, тоже понравилось варенье.

– И что это нам дает? – поинтересовался Игорь только чтобы поддержать разговор.

– То, что мы будем общаться с ним не как с врагом и заговорщиком, а как с хорошим человеком, – сказала она из-за огромной кружки. Служитель смотрел на нее с улыбкой, и Стрелковский понимал, почему он умиляется.

В любой беременной женщине, в любой матери, говорили в Храме, проявляется Богиня-мать. И крепкая, неуловимо изменившаяся северянка, которая светилась внутренней силой, вызывала и в самом Игоре странное щемящее чувство – будто Богиня коснулась его краешком крыла, наполнив покоем.

Люджина дарила ему покой.

В прошлое воскресенье, когда лил проливной дождь и ветер трепал зеленые кроны деревьев, Стрелковский снова приходил на могилу Ирины. Омываемый ливнем могильный камень с датой смерти напоминал о том, что скоро будет восемь лет, как ее нет в мире.

Сердце болело, но глухо, отстраненно – а ревуший ветер и порывы дождя швырнули принесенные розы ему в лицо, разбросав вокруг могилы. Он собрал цветы и снова положил – их

подхватило потоками воды и красной лентой потянуло прочь, по дорожке к возвышающимся вдалеке курганам первых Рудлогов.

Игорь сел на скамью, подставляя лицо под теплый, яростный ливень. Он думал о том, что мир был бы совсем иным, останься его королева в живых. Ангелина Рудлог по-прежнему была бы наследницей трона и уже состояла бы в браке с сильным принцем-консортом. Василину выдали бы замуж за Бермонта, Полину, скорее всего, старшей женой за наследника йеллоувиньского престола: Ирина умела добиваться своего и меньше чем на короля для девочек бы не согласилась. Алина, по всей видимости, стала бы супругой старшего из сыновей Блакори – тот был ее младше всего на четыре года. А от проснувшихся драконов пришлось бы откупаться Мариной. Хотя Ирина с большой вероятностью впала бы в ярость от их требований. Да и вряд ли они бы вообще освободились – ведь движение земли и разрушение Драконьего пика началось именно из-за отсутствия крови Рудлог на троне.

Пески по-прежнему были бы пустыней, и Тура, возможно, долгое время бы оставалась еще крепкой. Не случилось бы нашествия иномирян... или случилось, но гораздо позже, и Ирина бы билась со врагом со всей своей непримиримостью – как билась со Смитсенем.

Как много поменялось – невообразимо много. И как много не случилось из-за его, Игоря, ошибок.

Ветер швырнул ему в лицо заряд дождя, с такой силой, такой плотности, что перехватило дыхание до удушья. И это привело его в чувство. Внезапно Стрелковский увидел себя словно сверху – маленького, сторбленного, под огромной тучей, под огромным небом. Слишком незначительного для того, чтобы быть причиной таких тектонических сдвигов.

Если все настолько поменялось – не нужны ли были богам эти изменения? Или он, переключив ответственность на богов, старается оправдать себя – ибо ни месть, ни кровь, которую он пролил за свою любовь, ни женщина, которая сейчас рядом, не примирили его с самим собой и не избавили от чувства вины?..

...Люджина доела и неуклюже, тяжело поднялась из-за стола. Поднялись и мужчины.

– Вы пойдете со мной на допрос? – спросила она Стрелковского.

Игорь покачал головой.

– Я вам помешаю. Посмотрю потом в записи. А пока пообщаюсь с отцом Олегом.

Исповедь была ему нужна не меньше, чем темному мальчишке, запертому в камере бункера.

– Но по пути в часовню загляну с вами в центр наблюдения, – добавил он, – послушаю, о чем вы говорите со старшим по следствию. Может, подскажу что.

Со двора донесся детский смех, женский голос и сварливые увещевания Дорофеи.

– Вы сейчас подскажите, какой у старшего допуск, – попросила Люджина, оценив разношерстность местных постояльцев и направившись за Игорем и священником к двери комнаты справа. – Чтобы я лишнего не сказала и, если нужно, поставила щит-глушилку. Он имеет доступ к информации о Жреце, Нижнем мире и ситуации с ее высочеством Алиной?

Сама Люджина как помощница начальника Отдела внешней разведки имела «бирюзовый» уровень допуска, но о том, что пятая Рудлог – темная и ныне путешествует в Нижнем мире в компании того самого Тротта, который тоже оказался темным, узнала только сегодня утром во время инструктажа от Майло Тандаджи. Игорь дела высшей степени секретности, не связанные с работой внешней разведки, с ней не обсуждал, и, наверное, только эмоциональная усталость и природная уравновешенность позволили ей быстро принять и переварить эту информацию.

– Имеет, – отозвался Игорь. – Здесь с Макроутом работает группа подполковника Пегова.

Люджина кивнула: Пегов был одним из замов Тандаджи и имел все нужные допуски. Значит, можно действовать посвободнее.

Из кладовой, к которой они направлялись, раздались мужские голоса – дверь открылась, и оттуда вышли несколько агентов. Узнав Стрелковского, отдали ему честь, поздоровались с Люджиной, которая была в гражданском, и отцом Олегом и проследовали наружу: там, на заднем дворе, огороженные высоким забором от случайных прохожих, на свежем воздухе стояли накрытые к обеду столы.

– Пересменка, – объяснил служитель, кивая в ответ на приветствия подчиненных Тандаджи.

Люджина заглянула внутрь: в кладовой виднелся открытый люк в подпол, откуда то и дело поднимались еще мужчины. Кто-то откровенно зевал, кто-то потягивался или мял пачку с сигаретами. Одними из последних появилась пара молодых ребят в военной форме, которых Люджина смутно вспомнила по награждению во дворце Рудлог. Один, огромный, доставал сигарету, второй, хмурясь, проверял телефон.

– Мамка звонила уже три раза, – говорил он, – надо быстрее перезвонить, выяснить, что там... – он, очевидно, тоже узнал Люджину и Игоря, потому что, осекшись, поздоровался, с острым любопытством глядя на нее. Ему гулко вторил второй парень.

– Это ведь и есть тот самый Матвей Ситников? – тихо поинтересовалась Дробжек, когда ребята скрылись за дверью.

– Совершенно верно, – подтвердил Игорь Иванович, ступая на лестницу вниз и протягивая руку. – Осторожней, капитан. Держитесь.

Она не стала отказываться от помощи.

Бункер оказался огромным: длинный коридор с выставленными дежурными, за стеклом справа – пункт управления и наблюдения со столами, телефонами, аппаратурой, эмагкинами, кабинетами, – сейчас там работали с десятков человек. Дальше по коридору слева – оружейная и склады, общие спальни, большая столовая, удобства, за поворотом – камеры, центр наблюдения, небольшой госпиталь и часовня. Несколько запасных выходов, спуск на минус второй уровень ниже в холм. Что там, Люджина даже не стала спрашивать. Похоже, сюда можно было бы переселить все Управление, и еще осталось бы место.

– Я хотел бы быть уверен, что темный не опасен для капитана Дробжек, – пока она осматривалась на ходу, Стрелковский общался со служителем. – Он все еще на блокирующих травах?

– Да, причем просит их сам, – подтвердил отец Олег. – Очень тревожится из-за вероятности сорваться, хотя здесь, рядом с часовней, это невозможно. Что касается физического нападения, то перед допросами его обычно фиксируют наручниками. Однако подробнее о мерах безопасности вам может рассказать командир гвардейцев.

– В этом нет нужды, – проговорила Люджина. – Если его темные способности заблокированы, то кинуть на него стазис я всегда успею. Но я не думаю, что это понадобится.

– Вы уже знаете, как будете с ним говорить? – поинтересовался Игорь.

– С идеалистом, жаждущим спасти мир, и пусть неохотно, но готовым использовать любые способы? – отозвалась Люджина. – Да вы и сами знаете, Игорь Иванович. Вы только скажите мне, что для Управления приоритетнее. Полковник Тандаджи поставил две задачи – вывести Макроута на помощь Алине Рудлог и добыть всю возможную информацию о заговорщиках. Я бы сейчас упирала на первую задачу.

– Я тоже, капитан.

– Тем более что из записей допросов понятно, что с ним общались как с сообщником террористов, пытались разговорить и о возможной помощи не заговаривали.

– Что логично, – отметил Стрелковский с удовольствием: так ему нравился ее рабочий настрой. – Вы разве не знаете, что давать оппоненту понимание его исключительности и важности – это вручить ему ключ к манипуляциям и шантажу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.